Л. А. ЧАРСКАЯ

Заслуженное счастіе

РИСУНКИ
А. ВЕСТФАЛЕНЪ

ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ. МОСКВА.

Лидія Чарская.

37.65.5.40а

ЗАСЛУЖЕННОЕ СЧАСТЬЕ.

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

МОСКВА,
Изданіе І. Кнебель.
1914.

МОСКВА.
Типо-литографія Русскаго Товарищества Печатнаго и Издательскаго дѣла,
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д. Телеф. 18-35.
1914.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград
П 1970 акт РК-2199/16

ЗАСЛУЖЕННОЕ СЧАСТЬЕ.

ЧАСТЬ III-я.

ГЛАВА I.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ Ія аккуратно каждое утро выходитъ изъ трамвая у Гостинаго двора и быстрой походкой направляется къ магазину дамскихъ нарядовъ, гдѣ она служитъ кассиршей. Магазинъ открываютъ ровно въ девять часовъ утра. Заспанные мальчики снуютъ по отдѣленіямъ. Хорошенькія съ вычурной прической барышни-продавщицы развѣшиваютъ убранный на ночь товаръ, въ видѣ воздушныхъ блузокъ, шелковыхъ, бархатныхъ и шерстяныхъ платьевъ, тюлевыхъ и кружевныхъ рубашечекъ, затѣйливыхъ галстуковъ, капоровъ, кушаковъ, пелеринокъ, матинэ и прочихъ изящныхъ принадлежностей дамскаго туалета. Приказчики убираютъ витрины. Вскрываютъ ящики и картонки со вновь поступившими товарами, накалываютъ на нихъ билетики съ цѣною, словомъ, производятъ свою обычную повседневную работу. Къ двѣнадцати часамъ въ магазинъ является ста-

рикъ управляющій, онъ же и одинъ изъ хозяевъ-пайщиковъ, тоже вложившій капиталъ въ дѣло,—толстый, съ внушительнымъ брюшкомъ и лысиною во всю голову господинъ, всегда изящно одѣтый, съ крупнымъ брилліантовымъ перстенемъ на пальцѣ, Илья Ивановичъ Донцовъ.

Онъ очень предупредителенъ къ Іи. Ему нравится серьезная, строгая и спокойная манера держаться молодой дѣвушки, ея исполнительность въ работѣ, удивительная трудоспособность и внимательное отношеніе къ службѣ. И обращается старикъ съ Іей, какъ съ равной себѣ по положенію, между тѣмъ, какъ съ другими барышнями и со служащими въ магазинѣ Илья Ивановичъ нѣсколько грубоватъ. Съ младшимъ же персоналомъ, съ мальчиками, разносящими товаръ и служащими на побѣгушкахъ, онъ и вовсе не стѣсняется. Не мало подзатыльниковъ и щипковъ перепадаетъ на долю этихъ послѣднихъ. Цѣлые дни слышится рѣзкій пронзительный фальцетъ управляющаго, разносящійся по всему магазину, то покрикивающій на нерадивыхъ младшихъ служащихъ-мальчугановъ, то дѣлающій замѣчанія взрослымъ или отдающій приказанія, торгующійся, негодующій, уговаривающій публику, смотря по обстоятельствамъ. Его толстенькая съ большимъ животомъ фигура перекатывается съ одного конца магазина на другой, во все и всюду поспѣвая, заглядывая во всѣ уголки, запоминая съ удивительной точностью малѣйшія подробности торговли.

А торговля идетъ здѣсь весьма бойко и живо. Цѣлая гвардія молоденькихъ продавщицъ носится безшумной, скользящей походкой между облаками тюля, газа, шелка, кружевъ и атласа. Онѣ умѣютъ увлечь, заинтересовать

покупательницъ, умѣютъ показать, какъ говорится, товаръ лицомъ, умѣютъ и покривить душою, когда надо и не надо, и сорвать, порою, неслыханную цѣну за самую обыкновенную вещь, увѣривъ довѣрчивую покупательницу, что это вещь — заграничная и стоитъ поэтому большихъ денегъ. Здѣсь цѣлый день толчея, какъ на рынкѣ. Дамы и барышни, старыя, пожилыя, молодыя и совсѣмъ юныя, приходятъ, уходятъ, выбираютъ, торгуются оживленно и настойчиво. Вороха платьевъ, юбокъ, лифовъ, блузокъ, шарфовъ, принадлежностей моды, роскоши и туалета покрываютъ собою длинные прилавки торговаго помѣщенія. Большая часть нарядовъ виситъ на металлическихъ прутьяхъ въ стѣнныхъ углубленіяхъ, задернутыхъ тафтою, меньшая облегаетъ проволочныя фигуры манекеновъ. Ія изъ ея стеклянной будки, гдѣ помѣщается касса, наблюдаетъ цѣлыя сценки, происходящія между покупательницами и продавщицами. Ей слышатся безконечные споры о цѣнѣ, торговство, упрашиванье съ одной и настаиванье съ другой стороны. И, щелкая ручкой, поворачивающей колеса автоматическаго счетчика кассной машины, дѣвушка успѣваетъ замѣтить то, что ускользнуло бы отъ другихъ, менѣе внимательныхъ глазъ.

Ія видитъ, какъ младшія продавщицы «запрашиваютъ» двойную цѣну за вещи, видитъ, какъ болѣе добросовѣстныя, уступая покупателю, навлекаютъ на себя этимъ негодованіе со стороны Ильи Ивановича и своихъ очень щепетильныхъ въ дѣлахъ чести подругъ. Видитъ, какъ часто болѣзненный, слабенькій подростокъ Яша, самый младшій изъ «магазинныхъ мальчиковъ», не успѣвающій исполнить возложенную на его слабыя плечи непосильную работу, задыхаясь отъ кашля, малиновый отъ усилія, пе-

реноситъ тяжеленные тюки съ товарами изъ кладовой въ помѣщеніе магазина. Замѣчаетъ, какъ продавщица красавица Илочка съ модной прической изъ фальшивыхъ волосъ цвѣта желтой соломы танцуетъ передъ какой-нибудь не въ мѣру настойчивой покупательницей, не желающей платить шальныхъ денегъ, картавя своимъ звонкимъ голоскомъ на весь магазинъ:

— Тридцать рублей... Я прошу только тридцать, мадамъ, замѣтьте. А эта прелесть стоитъ сорокъ... Увѣряю васъ... Не скупитесь же, мадамъ, набавьте... Что? Только два рубля? Вы предлагаете двадцать два? Но этого ужасно мало, мадамъ! Вѣдь эта вещь модельная... Пардонъ? Вы говорите на одинъ разъ? Клянусь вамъ, моется, какъ тряпка! Желаете примѣрить? Пожалуйста... Только дайте настоящую цѣну. Евлампія Петровна, пожалуйте въ примѣрочную.

И вотъ, и покупательница съ недовольнымъ, обиженнымъ лицомъ, и сама Илочка своей танцующей походкой, и портниха Евлампія Петровна, блѣдное, анемичное существо, обремененное большой семьею и больнымъ мужемъ, проходятъ въ примѣрочную, маленькую клѣтушку, заставленную зеркалами во всю стѣну.

Оттуда покупательница выходитъ съ болѣе просвѣтленнымъ видомъ и передаетъ Іи чекъ и деньги черезъ маленькое отверстіе кассы. Щелкаетъ автоматъ счетчика, выскакиваетъ указанная цифра и покупательница отходитъ отъ кассы. Ея мѣсто занимаетъ другая. За нею третья, иногда покупатели, дѣлающіе покупки для своихъ женъ, матерей, дѣтей и сестеръ. Передъ Іей проходитъ цѣлая вереница лицъ, старыхъ и молодыхъ, жизнерадостныхъ и угрюмыхъ. И такъ ежедневно. Съ девяти до восьми вечера. Только въ восемь закрывается магазинъ

и она обрѣтаетъ, наконецъ, желанную свободу. Правда, ей полагается часъ на обѣдъ, отъ двухъ до трехъ и за это время въ окошечкѣ кассы мелькаетъ рыжеватая головка Илочки. Но Ія предпочитаетъ питаться сухими бутербродами, которые съѣдаетъ тутъ же за конторкой, запивая ихъ молокомъ, и почитать захваченную изъ дома книжку или газету, нежели уходить изъ магазина обѣдать въ кухмистерскую, гдѣ и берутъ такъ дорого за самыя скромныя блюда. Ѣхать же обѣдать домой, въ одну изъ отдаленныхъ линій Васильевскаго острова, гдѣ она снимаетъ у Зинаиды Юрьевны Градовой крошечную комнатку со столомъ, совсѣмъ невозможно. Зато воскресные дни Ія, наработавшаяся до изнеможенія за недѣлю, чувствуетъ себя королевой. Въ субботу ее задерживаютъ въ кассѣ нѣсколько дольше обыкновеннаго: происходитъ еженедѣльный подсчетъ кассы въ магазинѣ. Управляющій Илья Ивановичъ имѣетъ обыкновеніе провѣрять кассу только разъ въ недѣлю и производить въ ней подробную ревизію по субботнимъ днямъ. И только въ половинѣ десятаго попадаетъ Ія въ такіе дни къ себѣ на островъ. Но уже подъѣзжая на трамваѣ къ дому, она начинаетъ ощущать животрепещущую радость во всемъ своемъ существѣ. Она знаетъ, что Зинаида Юрьевна, въ ея отсутствіе, уже успѣла съѣздить въ пансіонъ Кубанской и привезти оттуда Катю на воскресный день. Знаетъ, что едва лишь раздастся ея звонокъ въ маленькой квартиркѣ, навстрѣчу къ ней выскочитъ младшая сестренка и смѣющееся отъ счастья смуглое личико прильнетъ къ ея захолодѣвшему съ воздуха лицу.

Теперь Ія не боится уже ничьего дурного вліянія на Катю и смѣло беретъ къ себѣ въ отпускъ младшую сестру. Здѣсь, въ трехъ крошечныхъ комнаткахъ Зины Градовой,

гдѣ поселилась Ія съ молодою матерью и ея дѣтьми-близнецами, съ прежней служанкой Дашей, Катя не можетъ научиться ничему худому, ни видѣть никакихъ дурныхъ примѣровъ. Здѣсь нѣтъ Нетти, задумавшей испортить на зло ей, Іи, ея младшую сестренку.

Нетти Баслановой съ ея отцомъ, матерью и мужемъ давно уже нѣтъ въ Петербургѣ. Андрею Аркадьевичу удалось выгодно продать картину и на вырученныя отъ продажи ея тысячи онъ повезъ за границу всю свою семью. Трогательно и задушевно было его прощанье съ сестрами. Ссора Нетти съ Іей ни мало не повредила доброму отношенію Андрея къ старшей сестрѣ. Онъ звалъ ѣхать съ собою молодую дѣвушку, но, помимо всего прочаго, Ія, не привыкшая жить на чужой счетъ, рѣшительно отказалась отъ предложенія брата. Ей хорошо жилось теперь у Градовой. Иногда хибарку на Васильевскомъ островѣ, какъ называла Зинаида Юрьевна свои три маленькія комнатки, посѣщалъ и князь Леонидъ Вадберскій. Его появленія здѣсь были настоящимъ праздникомъ для всѣхъ, особенно же для Журы и Нади. Дядю Леню они любили, пожалуй, настолько же сильно, насколько не долюбливали дядю Валю, который, ко всеобщему удовольствію, не показывался здѣсь, избѣгая встрѣчи съ Іей послѣ его недостойнаго поступка съ Катей на Рождество.

Къ Леониду же Вадберскому Ія чувствовала большую признательность. Она хорошо помнила ту злосчастную ночь, когда юноша помогъ ей въ тяжелую минуту исчезновенія Кати отыскать дѣвочку, и питала къ молодому студенту самое дружеское расположеніе.

Итакъ, въ «хибаркѣ» жизнь бѣжала, какъ поѣздъ по рельсамъ: гладко, ровно и хорошо. Ія служила въ ма-

газинѣ, Зинаида Юрьевна утро и часть дня посвящала своимъ лекціямъ въ медицинскомъ институтѣ, а по возвращеніи домой готовила Журу и Надю въ приготовительные классы гимназіи. Къ вечернему чаю возвращалась Ія. Она обѣдала, пока Зина и дѣти пили чай, и тутъ же разсказывала разныя сценки изъ своей трудовой жизни. А по праздникамъ двѣ крошечныя семьи съ самаго утра соединялись вмѣстѣ. Пріѣзжала Катя, приходилъ Леонидъ, жившій теперь у родственниковъ, и отправлялись куда-нибудь развлечься: или въ музей, или въ Эрмитажъ, или на выставку, а то и въ циркъ на скромныхъ началахъ на утреннее представленіе позабавить Катю и близнецовъ.

Теперь Ія, получая 75 рублей жалованья ежемѣсячно, отправляла матери по пятидесяти рублей въ Яблоньки каждый мѣсяцъ, оставляя себѣ двадцать пять на столъ, комнату и мелкіе расходы и умудряясь выкроить изъ этой суммы кой-какіе гроши для Кати. Она давала воскресные уроки Журѣ и Надѣ и за это имѣла въ семьѣ обѣдъ за самую умѣренную плату. А ея крошечная комнатка стоила ей самые пустяки. Словомъ, сейчасъ все улыбалось Іи и она уже мечтала о томъ днѣ, когда, испросивъ себѣ двухмѣсячный отпускъ у Ильи Ивановича Донцова, сама повезетъ Катю на каникулярное время въ далекія милыя Яблоньки и проведетъ въ обществѣ старухи-матери нѣсколько свѣтлыхъ, радостныхъ дней...

ГЛАВА II.

— Вотъ она принцесса наша! Подумаешь, важности не обобраться!.. Словно мошки мы передъ нею какія,

идетъ, даже насъ и не примѣчаетъ вовсе. Головой никогда первая не кивнетъ. И чего важничаетъ, право! Нищенка такая же, какъ и мы грѣшныя! Такъ чего носъ-то задирать? Что институтъ-то окончила,—важность въ этомъ небольшая. Я и сама ученая. Въ гимназіи побывала.

— Ну, Машенька, знаемъ мы, какъ вы побывали. Изъ четвертаго класса выскочили, убоявшись книжной премудрости.

И каріе глаза Тины, молоденькой продавщицы вскинулись на розовую, свѣжую, похожую на пухлую булочку Машеньку, съ явно насмѣшливымъ выраженіемъ.

— Ну, ужъ вы пожалуйста, — обидѣлась та, — вы-то ужъ сами хороши! Недавно покупательница «Антуанету» спрашиваетъ, а вы ей воротничекъ какой-то невозможный показываете!

— Вотъ ужъ неправда!—защищается Тина,—чтобы я «Антуанеты» не знала—ерунда!

— Барышни, взгляните, наша-то царевна-неулыба нынче и вовсе разважничалась!—вдругъ, приблизившись къ споривщимъ, зашептала Илочка, указывая имъ на Ію, проходившую къ себѣ въ кассу. Какъ всегда, бодрая и спокойная, вошла она въ магазинъ, поклонившись всѣмъ однимъ общимъ поклономъ. Ія не сходилась ни съ кѣмъ изъ продавщицъ. Ни одна изъ нихъ не нравилась ей. Пожалуй, единственная Евлампія Петровна пришлась по душѣ молодой дѣвушкѣ и она очень часто и охотно бесѣдовала съ бѣдной портнихой, всегда озабоченной болѣзнью мужа и своими многочисленными дѣтьми. Эта бѣдная женщина покоряла Ію своею безхитростной душой, простотою и мягкостью, вызывавшими невольную жалость и участіе къ себѣ. Барышни же продавщицы совсѣмъ не

нравились Басланової. Не нравилась ей ихъ излишняя развязность, ихъ вульгарныя прически изъ фальшивыхъ волосъ, сопровождающій ихъ запахъ дешевыхъ но крикливыхъ духовъ, не менѣе крикливыя блузки, бившія на шикъ, а главное ихъ часто недобросовѣстное запрашиваніе высокихъ цѣнъ у покупательницъ. Но вѣрная себѣ, Ія всегда была корректна и съ ними; она здоровалась и прощалась со своими сослуживцами; всегда съ готовностью отвѣчала на ихъ вопросы, словомъ ничѣмъ не выражала имъ своего нерасположенія. И тѣмъ не менѣе барышни недолюбливали Ію, чувствуя все преимущество надъ ними ея глубокой, серьезной натуры. Онѣ завидовали ей; ея умѣнью держать себя съ достоинствомъ, заставлявшимъ относиться къ ней исключительно вѣжливо и предупредительно администрацію торговаго дома, въ лицѣ ея представителя Ильи Ивановича Донцова.

И хотя всѣ эти Тины, Машеньки, Илочки и осуждали между собою и скромный нарядъ Іи, и ея гладкую, безъ завивки и фальшивыхъ локоновъ и накладокъ прическу, и ея манеры, простыя, какъ у провинціалки, по ихъ мнѣнію, но тѣмъ не менѣе, дорого заплатили бы онѣ сами за то, чтобы олицетворять собою такую же изящную простоту. Онѣ шушукались и злословили на ея счетъ, изобрѣтая цѣлыя легенды о частной жизни Іи, въ которую никто изъ нихъ не могъ проникнуть, такъ какъ молодая дѣвушка не имѣла обыкновенія откровенничать съ ними и вводить ихъ въ свой интимный маленькій кружокъ.

Сегодня же онѣ почему-то исключительно занимались Іей, но она менѣе чѣмъ когда-либо обращала вниманіе на нихъ въ это утро. На душѣ дѣвушки было легко и радостно въ этотъ день.

Мартъ былъ давно на исходѣ. Подкрадывался веселый и ласковый апрѣль. Наступала весна, дружная и славная на рѣдкость. Только что закончилась ранняя Пасха, которую Ія провела въ общества младшей сестры. Въ перспективѣ уже намѣчалось лѣто... Короткій отпускъ... Отдыхъ въ деревнѣ подъ крылышкомъ у нѣжной любящей матери... Близкое свиданіе съ нею... Ахъ, словомъ, все то, о чемъ такъ робко и трепетно мечтала все время своего пребыванія въ Петербургѣ молодая дѣвушка!

— Скоро! Скоро уже теперь!—проносилась въ ея головкѣ радостная мысль,—скоро кончатся переходные экзамены у Кати и мы уѣдемъ. Катюша на цѣлое лѣто, а я хоть на нѣсколько деньковъ въ милыя наши Яблоньки. Вотъ-то обрадуется мамуничка старенькая наша!—и при одной мысли о матери увлажаются строгіе глаза Іи, а ея энергичное лицо принимаетъ мягкое, дѣтское, непривычное ему выраженіе.

— Наша-то, наша, смотрите, барышни, о суженомъ своемъ, никакъ, размечталась! Глядите-ка, глаза подъ лобъ закатила и улыбочка до ушей. Картинка да и только!—шепнула Илочка, проносясь мимо сбившихся въ кучу въ углу магазина продавщицъ, въ ожиданіи появленія покупательницъ.

— Ха, ха, ха! И правда о суженомъ,—усмѣхнулась Машенька.

— Смотрите, смотрите, господа, страшилище какое! Батюшки, не то орангутангъ, не то горилла, неужто же человѣкъ это?—испуганно зашептала Тина, широко раскрытыми глазами глядя на дверь.

Дѣйствительно, то, что увидѣли передъ собою продавщицы-барышни, могло испугать своимъ видомъ и далеко не робкую душу. Въ магазинъ дамскихъ нарядовъ

входилъ высокій человѣкъ съ обильной растительностью на лицѣ, загорѣломъ на рѣдкость въ это раннее весеннее время.

Высокій, худой, съ длинными руками, съ бородою, начинавшей расти у него чуть ли не подъ самыми глазами, онъ, дѣйствительно, больше походилъ на огромную обезьяну, нежели на человѣка. Тяжелая, сдѣланная мѣхомъ вверхъ шуба-доха покрывала его нескладную фигуру. А на улицѣ было тепло по-весеннему и солнце ласково пригрѣвало землю. Ни шубѣ, ни дохѣ, во всякомъ случаѣ, не было мѣста въ эти ясные первые весенніе дни.

Господинъ вошелъ. Внимательнымъ взоромъ обвелъ онъ магазинъ и остановилъ взоръ на отдѣленіи капотовъ и матинэ, висѣвшихъ въ дальнемъ углу помѣщенія.

— Мнѣ нуженъ голубой шлафрокъ,—произнесъ онъ грубоватымъ голосомъ, не глядя на продавщицъ, а куда-то выше, черезъ ихъ мастерски причесанныя модныя головки.

— Извините, monsieur,—выступая впередъ, проговорила бойкая Илочка,—у насъ нѣтъ шлафроковъ. Мы не торгуемъ мужскими костюмами.

— Вотъ именно, вотъ именно,—засмѣялся, словно чему-то обрадовавшись, незнакомецъ и при смѣхѣ сходство его съ обезьяною выступило еще рельефнѣе.—Вотъ именно, мнѣ и нуженъ дамскій, а не мужской шлафрокъ.

— То-есть капотъ?—подсказала Илочка.

— Ну, да, ну да,—замоталъ онъ волосатой головой,—вотъ именно, капотъ для дѣвочки, который бы могъ подходить и мальчику.

Илочка едва удержала готовый сорваться у нея съ губъ смѣшокъ при послѣднихъ словахъ незнакомца. Остальныя продавщицы уже хихикали, прячась одна за

спиною другой. Ія изъ-за стекла ея кассы хорошо была видна вся происходившая сцена. Она уже нѣсколько минутъ слѣдила за нею. Но странный господинъ, казалось, вовсе не замѣчалъ устремленныхъ на него насмѣшливыхъ взглядовъ. Онъ оглядывалъ самымъ подробнымъ образомъ всѣ висѣвшіе на виду костюмы и бормоталъ что-то, выдѣлывая нелѣпыя движенія руками, длинными худыми, какъ у скелета.

Вдругъ онъ увидѣлъ прелестный, нѣжно-голубой капотъ, отдѣланный кружевомъ по вороту.

— Вотъ онъ!—громко выкрикнулъ оригинальный покупатель и бѣгомъ, въ припрыжку понесся къ обратившей на себя его вниманіе вещицѣ.

Тутъ продавщицы не выдержали и дружно фыркнули.

Волосатый человѣкъ смутился на минуту. По его заросшему густою растительностью лицу поползъ густой румянецъ, выступившій темно-багровой краской на лбу, подъ глазами и на подбородкѣ.

— Гм! Гм! Я бы хотѣлъ... Я бы желалъ... вотъ этотъ самый...—бормоталъ онъ несвязно, теребя пальцами нѣжно-голубой шелкъ капотика.—Мнѣ нужно на самый маленькій ростъ... На самый маленькій...—продолжалъ лепетать онъ все такъ же сконфуженно. Но продавщицы, пряча раскраснѣвшіяся лица, тряслись отъ обуревавшаго ихъ смѣха, не будучи въ состояніи сдѣлать шага впередъ. Илочка, уткнувшись лицомъ въ висѣвшее тутъ же манто, смѣялась безудержнѣе другихъ.

Тогда Ія спокойно поднялась со своего высокаго стула изъ-за конторки и, пользуясь тѣмъ, что въ магазинѣ кромѣ оригинальнаго незнакомца, другихъ покупателей въ это время не было, быстро прошла къ нему изъ кассы,

А.Вестфалень 1914.

сняла облюбованную имъ вещь съ вѣшалки и раскинула ее передъ нимъ на прилавкѣ.

— Вотъ этотъ капотъ вы желали имѣть, monsieur?— безъ тѣни улыбки обратилась она къ покупателю. Тотъ взглянулъ на нее благодарными глазами.

— Вотъ именно... вотъ именно, этотъ самый, мадемуазель,—залепеталъ онъ, топчась на одномъ мѣстѣ.

Въ ту же минуту за прилавкомъ очутилась Илочка. Она грубо выхватила капотъ изъ рукъ Іи и, смѣривъ самою Ію уничтожающимъ взглядомъ, произнесла сквозь зубы такъ, чтобы ее не могъ услышать стоявшій тутъ же рядомъ покупатель.

— Прошу васъ не вмѣшиваться въ чужія обязанности, м-ль, ваше дѣло сидѣть за кассой, а не продавать. Удивительное нахальство, право, совать свой носъ всюду, куда васъ не просятъ.

Послѣднихъ словъ Ія не слышала. Она уже была снова въ своей клѣткѣ-кассѣ, оскорбленная наглымъ обращеніемъ къ ней продавщицы. Вѣдь она, Ія, менѣе всего хотѣла «вмѣшиваться» въ чужія дѣла! Она имѣла въ виду только выручить барышень и покупателя, а между тѣмъ, ее не поняли и сейчасъ.

Смущенная и опечаленная, опустилась она на свое обычное мѣсто. Илочка, стараясь всячески исправить свою оплошность, теперь особенно лебезила передъ оригинальнымъ покупателемъ.

— Вы удачно выбрали, monsieur...—У васъ есть вкусъ... Прелестная вещица, нечего и говорить... Она стоитъ еще и не такихъ денегъ... Совсѣмъ даромъ отдаю... Повѣрьте, себѣ въ убытокъ, monsieur... для перваго знакомства,—лепетала она съ умильной улыбочкой и тутъ же назначила баснословно-большую цѣну за голубой капо-

тикъ. Ія вспыхнула до ушей, услыша цифру. Но она сдержалась, сдѣлавъ неимовѣрное усиліе надъ собою, чтобы не уличить Илочку.

— Нѣтъ, нѣтъ, не ко двору я здѣсь пришлась!—съ горечью подумала дѣвушка,—не могу я видѣть спокойно, какъ обсчитываютъ и обманываютъ людей.

Но долго ей не пришлось разсуждать на эту тему. Передъ окошкомъ ея кассы стоялъ тотъ же удивительный покупатель и своей длинной обезьяньей рукой протягивалъ ей кредитную бумажку и чекъ, выданный ему Илочкой.

Не глядя на него, Ія взяла чекъ и деньги. Повернула колесо автомата-счетчика и выдала сдачу.

Незнакомецъ вышелъ, унося покупку. На его мѣстѣ очутились какія-то двѣ дамы. Принимая отъ нихъ деньги и выдавая сдачу, Ія замѣтила маленькую пеструю бумажку, лежавшую у нея на колѣняхъ.

Она быстро подняла ее, поднесла къ глазамъ и едва не вскрикнула отъ изумленія, въ ея рукѣ былъ пятисотенный кредитный билетъ.

— Ага, васъ съ прибылью можно поздравить, Басланова!—услышала она въ тотъ же мигъ сладенькій голосокъ Илочки, въ одно мгновеніе ока очутившейся около кассы и пронзительнымъ взглядомъ впившейся въ деньги.

— Это не мое... Это не мое...—почти испуганно зашептала Ія,—тотъ господинъ, по всей вѣроятности, обронилъ, когда платилъ въ кассу,—смущенно закончила она.

— Ну что жъ, тѣмъ хуже для него и лучше для васъ, если обронилъ,—понизила голосъ Илочка,—кто-жъ виноватъ, что онъ рохля... Что съ возу упало, то пропало, сами знаете, небось! Подумайте какое вамъ счастье привалило. Пятьсотъ рублей—не пять цѣлковыхъ, сами знае-

те. Это цѣлое богатство, Басланова. Неужели же вы будете такою дурочкой, что захотите вернуть этому разинѣ его деньги?—уже враждебно обратилась она къ Іи.

— Разумѣется, верну. И вы могли подумать иначе!..— рѣзко оборвала дѣвушку Ія, и вся залилась яркимъ румянцемъ негодованія и стыда.

— Яша! Яша! Ступай сюда,—позвала она маленькаго, худенькаго мальчика, шмыгавшаго съ огромными картонками по магазину и, когда мальчикъ подбѣжалъ къ ней, приказала ему съ нервной, лихорадочной поспѣшностью:— Сейчасъ же бѣги... за тѣмъ господиномъ, который только что былъ здѣсь... Видѣлъ? Такой бородатый... странный по виду. Догони его, во что бы то ни стало, Яша... Скажи ему, что онъ у насъ деньги обронилъ... Пусть придетъ за ними... Только скорѣе, пожалуйста, поскорѣе, Яша!

Но Яшу было лишнимъ торопить. Быстрой рысцой кинулся онъ изъ магазина, и черезъ минуту, другую, вернулся снова, въ сопровожденіи недавняго посѣтителя.

— Ваши деньги... 500 рублей... Вы ихъ нечаянно выронили, когда платили по чеку,—спокойно обратилась къ послѣднему Ія, протягивая бумажку незнакомцу. Тотъ внимательно и зорко взглянулъ въ глаза дѣвушкѣ.

— Благодарю васъ... Рѣдкая честность... Благодарю,—буркнулъ онъ отрывисто, неуклюже принимая деньги и неловко, изо всей силы встряхивая маленькую ручку дѣвушки. Потомъ такъ же быстро и стремительно исчезъ, какъ и появился здѣсь.

Дружное хихиканье барышенъ-продавщицъ сопровождало это исчезновеніе. Потомъ всѣ глаза обратились къ Іи.

— Рѣдкая честность. Да при чемъ тутъ честность, господа? Басланова съ успѣхомъ могла бы оставить у себя деньги,—хорохорилась Тина.

— Какъ можно! Дворянская порода не пойдетъ на компромиссы,—съязвила Машенька.

— Бѣлая косточка, что и говорить! Институтка,—высмѣивала Илочка.

— Богата, должно-быть, барышня,—шепнула Тина,—вѣдь по закону третья часть съ находки полагается, а она и не заикнулась о томъ.

— А на меня, доведись, Господи, я бы ни за что, кажется, не отдала денегъ. Что съ воза упало—то пропало,—вмѣшалась четвертая продавщица Катенька.

— Я бы, положимъ, отдала, но награду—третью часть потребовала бы обязательно,—рѣшила Илочка.

Поднялся споръ. Барышни стрекотали, какъ сороки, бросая недружелюбные взгляды въ сторону Іи. Молодая дѣвушка была рада радехонька, когда закончился ея трудовой день и она стала подсчитывать дневную выручку. Магазинъ спѣшно прибирали передъ закрытіемъ. Продавщицы съ обычнымъ своимъ веселымъ хихиканьемъ и смѣшками одѣвались, повязывали вуальки. Тамъ у порога магазина каждую изъ нихъ ожидалъ провожатый. Молодые люди фланировали передъ окнами магазина еще за долго до времени закрытія его въ ожиданіи продавщицъ. Одну Ію не ждалъ никто. Нѣсколько молодыхъ людей добивались случая быть ей представленными, прося объ этомъ ту или другую изъ ея сослуживицъ, но на каждую такую просьбу Ія отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ, вооружая противъ себя и потерпѣвшихъ фіаско поклонниковъ и своихъ сослуживицъ.

— Гордячка! Подумаешь, принцесса какая, брезгаетъ знакомствомъ съ нами!—говорили тѣ и другіе.

— Ждетъ сказочнаго королевича!—ехидничали они.

Но Ія далеко не «брезгала» ничьимъ обществомъ и

ужъ менѣе всего думала о «сказочномъ королевичѣ». Бѣдняжка такъ уставала за день, что только мечтала объ одномъ: поскорѣе добраться до дому да пообѣдать и заснуть покрѣпче, до слѣдующаго трудового дня. Она видѣла, какъ за порогомъ магазина сослуживицы ея отправлялись съ ихъ знакомыми въ театры, кинематографы или просто въ паркъ на острова, погулять на лонѣ природы, но ее не тянуло никуда, кромѣ дома. Спѣшной походкой, не обращая вниманія на насмѣшливые взгляды Илочки, Тины, Машеньки и другихъ, направлялась Ія къ трамваю, мчавшему ее на далекую окраину города.

Подъѣзжала на немъ чуть ли ни къ самому дому, выходила и почти бѣгомъ поднималась по лѣстницѣ крохотнаго домика-особняка.

— Ія Аркадьевна пріѣхала! Ія Аркадьевна, няня Даша, обѣдать скорѣе! Скорѣе! А у насъ баранина сегодня!—слышала еще за дверями милые привѣтливые голоса дѣтей Ія. И Жура на перегонки съ Надей летѣли открывать дверь ихъ общей любимицѣ. Ія цѣловала дѣтей и проходила, сбросивъ верхнее платье, въ столовую. Здѣсь ее ждалъ разогрѣтый поздній обѣдъ, супъ и жаркое, и привѣтливая улыбка Зинаиды Юрьевны, сидѣвшей обычно за лекціями тутъ же у обѣденнаго стола.

Жура и Надя присаживались около и, чтобы не мѣшать матери, шопотомъ вели бесѣду съ Іей, пока та уничтожала съ завиднымъ аппетитомъ перестоявшійся обѣдъ. А тамъ, наступало самое пріятное время дня молодой дѣвушки. Дѣти спали. Зинаида Юрьевна занималась. Съ книгой въ рукахъ Ія ложилась на отоманку и читала, читала безъ конца, наслаждаясь уютомъ, отдыхомъ и тишиной, изрѣдка перебрасываясь короткими фразами со своей сожительницей. Ію нравилась нѣсколько суровая,

сильная, почти мужская натура Градовой. Ея непоколебимость въ трудѣ, энергія и полнѣйшее отсутствіе сентиментализма. И въ самой рѣзковатости Зины чувствовалась крупная, недюжинная личность, умѣющая постоять за себя и за другихъ. Свое горе—потерю мужа, котораго она крѣпко любила и не могла забыть, несмотря на годы утекшаго времени, она никогда не высказывала никому, какъ не высказывала и своей тоски, своей временной слабости, тяжести, заботы, обуревавшей временами эту сильную душу. Имѣя двоихъ дѣтей на плечахъ, аккуратно посѣщая лекціи, Зинаида Юрьевна находила еще время бѣгать по урокамъ и прирабатывать деньги къ той стипендіи, которую выдавалъ ей медицинскій институтъ.

Дѣти боготворили мать, несмотря на то, что молодая женщина была далеко не щедра на ласки. Но и Надя и Жура не могли не чувствовать всей силы любви къ себѣ, заполнявшей душу этой суровой и замкнутой по виду женщины. Что же касается до самихъ дѣтей, то и Надя и Жура чувствовали себя теперь прекрасно въ родной обстановкѣ, подъ крылышкомъ у любящей, заботливой матери, убаюканныя заботами няни Даши, безъ обычныхъ грубыхъ съ ними выходокъ Нетти, безъ ея придирокъ, пинковъ и постояннаго страха наказанія. Мать занималась съ ними по буднямъ, Ія по праздникамъ. Тишина, спокойствіе и какой-то душевный уютъ царили въ маленькомъ семействѣ, гдѣ Ія отдыхала всѣмъ сердцемъ послѣ перенесенныхъ ею невзгодъ въ домѣ молодыхъ Баслановыхъ.

ГЛАВА III.

— Ія Аркадьевна! Васъ какой-то военный спрашиваетъ. Меня послалъ сказать. За дверью магазина дожидается.

И Яша, говоря это, таращилъ на кассиршу удивленные глаза.

Что Ію спрашивалъ кто-то, да еще то, что спрашивающій былъ мужчина, да еще военный мужчина, для всѣхъ являлось большою новостью, неслыханнымъ до сихъ поръ происшествіемъ. Къ молодой дѣвушкѣ никто не заходилъ на службу, никто не вызывалъ ее въ служебные часы изъ ея клѣтки-кассы и не мудрено поэтому, если всѣ барышни-продавщицы смотрѣли теперь на Ію во всѣ глаза съ плохо скрытымъ удивленіемъ.

Не успѣла сама Ія опомниться отъ неожиданности, какъ, звеня шпорами, въ магазинъ влетѣлъ князь Валеріанъ Вадберскій.

— Ія Аркадьевна, сколько лѣтъ! Сколько зимъ!—запѣлъ онъ со сладкой улыбочкой,—тысячелѣтіе, цѣлое тысячелѣтіе я не видѣлъ васъ! Какъ вы посвѣжѣли, похорошѣли за это время. Parole d'honneur! Не ожидалъ васъ видѣть такой отдохнувшей, поздоровѣвшей! Очевидно, жизнь внѣ общества моей любезной сестрички приноситъ вамъ пользу. Я вижу розы на вашихъ щечкахъ! Прелестно! Charmant! Charmant!

Онъ сыпалъ цѣлымъ фейерверкомъ словъ и трясъ изо всей силы руку Іи. Барышни-продавщицы, занятыя съ покупательницами, поглядывали на молодого, франтоватаго юнкера, хихикали и шептались:

— Пальто съ иголочки... фуражка по модѣ... А усики-то какъ закручены! Воображаетъ о себѣ, должно-быть, ужасно!

Между тѣмъ, лицо Іи хранило строгое, суровое выраженіе. Она холодно протянула руку Валерьяну. Дѣвушка не могла еще забыть поступка молодого Вадберскаго съ Катей. Не могла простить молодому человѣку его возмути-

тельной небрежности по отношенію къ ея сестрѣ. И сейчасъ съ ледяной холодностью она ожидала отъ него поясненія причины его визита.

Со дня отъѣзда ея изъ дома брата, князь Валерьянъ не видѣлся съ нею. Больше того, молодой Вадберскій какъ-будто умышленно, избѣгалъ свиданій съ нею и съ Катей послѣ неудачной поѣздки въ ночь бала. И вотъ, теперь, этотъ неожиданный визитъ!.. Что онъ могъ означать? Ія, положительно, терялась въ догадкахъ.

— Чѣмъ я обязана видѣть васъ, князь?—ледянымъ тономъ спросила она молодого человѣка.

Юнкеръ смутился. Глаза его забѣгали, какъ пойманныя мыши въ клѣткѣ. Губы сложились въ виноватую улыбку.

— Собственно говоря, собственно говоря...—началъ было онъ и, окинувъ смущеннымъ взглядомъ наблюдавшія за ними издали постороннія лица, понизилъ голосъ до шопота и уже чуть внятно произнесъ:—Вотъ видите, Ія Аркадьевна... я... я... собственно говоря, хотѣлъ бы поговорить съ вами безъ свидѣтелей и высказать вамъ мое горе...

— Горе?—Ія удивленно подняла темныя брови.—Какое же можетъ быть, однако, у васъ горе, Валерьянъ Юрьевичъ?

— Mille diables, какъ говоритъ мой товарищъ Дима Николаевъ. Не могу же я говорить о моемъ горѣ публично!—вспыхнувъ до корней волосъ, произнесъ съ досадой молодой человѣкъ.—Вотъ если вы разрѣшите мнѣ встрѣтить васъ нынче послѣ закрытія магазина и проводить до дома, я подѣлился бы имъ съ вами.

Ія нахмурилась. Она терпѣть не могла Валерьяна и перспектива провести въ его обществѣ хотя бы самый короткій срокъ совсѣмъ не улыбалась молодой дѣвушкѣ.

Но взглянувъ на смущенное, сейчасъ взволнованное лицо послѣдняго, поймавъ его растерянную улыбку, она вдругъ почувствовала, что, дѣйствительно, какое-то горе или непріятность, по крайней мѣрѣ, случилась съ юношей и, по свойственному ея натурѣ великодушію, пожалѣвъ его, дала ему, скрѣпя сердце, разрѣшеніе подождать ея выхода изъ магазина.

Вадберскій замѣтно расцвѣлъ при этихъ словахъ; лицо его озарилось улыбкой. Онъ крѣпко сжалъ и сильно встряхнулъ руку Іи и, еще разъ разсыпавшись въ комплиментахъ по ея адресу, выпорхнулъ, звеня шпорами, за порогъ.

— Басланова, кто это?

— Съ кѣмъ вы говорили, Басланова?

— Какой интересный, кто онъ такой?—градомъ посыпались вопросы на Ію, лишь только высокая фигура кавалерійскаго юнкера исчезла за дверью. И чуть ли не всѣ продавщицы моднаго магазина окружили крошечное помѣщеніе кассы.

— Это одинъ мой родственникъ,—спокойно отвѣтила дѣвушка.

— А правда—онъ князь? Мы слышали, какъ онъ говорилъ Яшѣ: «доложи m-lle Баслановой, что ее хочетъ видѣть князь Вадберскій»: Неужели правда?—выходила изъ себя отъ изумленія Илочка.

— Ну, да! Князь... конечно. Что же, однако, слѣдуетъ изъ этого?—спокойно обратилась къ ней въ свою очередь съ вопросомъ Ія.

— Но, Боже мой! Князь, богатый... знатный... Изъ аристократической семьи... изъ высшаго свѣтскаго общества! Надо дорожить такимъ поклонникомъ, Басланова,—подхватила Машенька.

Ія вспыхнула:

— Во-первыхъ, онъ вовсе не мой поклонникъ,—строго взглянувъ на говорившую, оборвала она,—а во-вторыхъ, я и не знала, г-жа Иванова, что надо судить о достоинствахъ людей по ихъ титулу и фамиліи.

— А въ васъ еще прочно сидитъ классная дама, Басланова. Вы нѣтъ, нѣтъ и начинаете читать нотаціи,—обиженная замѣчаніемъ, съязвила Машенька Ію.

— И очень сожалѣю, что эти нотаціи не приносятъ вамъ пользы,—спокойно и безъ тѣни гнѣва отпарировала ея ударъ Ія.

Машенька забормотала было что-то себѣ подъ носъ, но Ія занялась въ эту минуту новой плательщицей и не обратила никакого вниманія на ея слова. Когда же въ восемь вечера приказчицы веселой гурьбой снова высыпали за порогъ магазина и ожидавшій за этимъ порогомъ ее, Ію, Валерьянъ подошелъ къ молодой дѣвушкѣ, Илочка, Машенька, Тина и другія продавщицы проводили ихъ саркастическими улыбками и насмѣшливыми взглядами.

— Наша-то смиренница поклонника себѣ нашла!—шептали онѣ.

— Въ тихомъ омутѣ, знаете...

— Это она съ виду такой скромницей прикидывается только, а на самомъ дѣлѣ эта прелестная Іечка—презлѣйшая кокетка.

Не смущаясь, спокойно и гордо Ія пошла рядомъ съ Валерьяномъ. Она отлично сознавала, что служитъ мишенью насмѣшекъ своимъ сослуживицамъ, но ни мало не обращала на это вниманія.

— Ну, говорите скорѣе, какое горе стряслось у васъ,—

обратилась она къ своему спутнику, быстрымъ шагомъ направляясь знакомою дорогой къ трамваю.

— Но куда же мы идемъ, однако?—изумился Валерьянъ.

— Къ трамваю, конечно,—отвѣтила Ія.

— Но, mon Dieu, я никогда не ѣзжу на этой адски глупой машинѣ,—запротестовалъ юноша и, вдругъ остановившись передъ франтоватымъ лихачемъ, у Гостинаго двора, бросилъ по его адресу:

— Свободенъ, братецъ?

— Такъ точно, ваше сіятельство.

— Но...—начала было Ія.

— Садитесь, m-elle, онъ прокатитъ насъ отлично;—засуетился Валерьянъ,—воля ваша, но въ трамваѣ я не смогу вымолвить и двухъ словъ. Когда всѣ сосѣди и визави уставятся на насъ глазами разварной рыбы и будутъ ловить каждое слово со вниманіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія. Да и потомъ такимъ способомъ передвиженія, какой я выбираю, вы достигнете дома значительно быстрѣе.

Тутъ Валерьянъ съ манерой истиннаго джентльмена распахнулъ кожаный фартукъ передъ дѣвушкой, помогъ усѣсться Іи и, снова застегнувъ фартукъ, вскочилъ въ пролетку и сѣлъ подлѣ дѣвушки, лаконически приказавъ лихачу:—Трогай, братецъ!

Легкій экипажъ быстро понесся, увлекаемый сытой и бодрой лошадкой. Іи было не по себѣ, непріятно было ѣхать рядомъ съ несимпатичнымъ ей человѣкомъ, не хотѣлось уѣзжать на виду у сослуживицъ въ такомъ нарядномъ экипажѣ, непріятно было чувствовать на себѣ ихъ взгляды, горѣвшіе, конечно, насмѣшкой и завистью.

Стало какъ-то значительно легче, когда пролетка, миновавъ Невскій, вылетѣла на Дворцовую набережную.

До этого мгновенія молчавшій все время Валерьянъ неожиданно схватилъ за руку Ію:

— Дорогая сестричка! Спасите меня!—вырвалось у него горячо и искренно и онъ до боли крѣпко стиснулъ пальцы Іи.

— Почему сестричка? И отъ чего мнѣ надо спасти васъ?—спросила удивленная дѣвушка.

— Сестричка, потому что вы родная сестра моего милаго André, моего брата, мужа моей сестры,—зашепталъ торопливо бросая слова, юноша.—Да, да, вы моя милая, хорошая, добрая и великодушная сестричка. И вы должны спасти меня или... я погибъ!

— Да въ чемъ же дѣло, наконецъ? Почему погибли? Что случилось? Объясните же толкомъ, въ концѣ-концовъ!—уже начинала терять терпѣніе Ія. И мелькомъ взглянула на своего спутника.

Самодовольное лицо Валерьяна съ его тщательно закрученными усиками теперь казалось очень взволнованнымъ и огорченнымъ.

— Со мной случилось одно очень печальное происшествіе, какъ пишется въ дурацкихъ романахъ, Ія Аркадьевна,—заговорилъ онъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ,—вообразите себѣ: вчера я, Дима и Пестольскій отправились на скачки. Вы знаете, конечно, что тамъ не только любуются скачущими лошадьми, но ставятъ на нихъ деньги, то-есть, mille diables, какъ говоритъ мой пріятель Дима, играютъ въ тотализаторѣ. Игралъ, конечно, одинъ Пестольскій, а мы съ Димой, какъ неимѣющіе права дѣлать этого въ качествѣ представителей молодежи, мы дѣйствовали черезъ него, на-

шего старшаго пріятеля. То-есть присоединяли къ его деньгамъ свои и дѣлали втроемъ, сообща, наши ставки. Все шло сначала прекрасно. Пестольскій ставилъ, мы выигрывали до тѣхъ поръ, пока насъ не подвела красавица Инфанта, премированная лошадь графа С... Эта-то злодѣйка и испортила намъ дѣло. Всѣ кругомъ кричали, что надо ставить на нее. Она всегда прежде приходила первой и вела скачки. И вдругъ, на этотъ разъ Инфанта измѣнила себѣ и намъ. Ее побѣдила въ скорости другая лошадь. И мы съ Димой и Пестольскимъ потеряли въ общей сложности, довольно крупную сумму. Думая, что это случайность и что Инфанта сумѣетъ насъ выручить въ концѣ-концовъ, мы повторили на нее ставку. И снова потеряли, тогда поставили на другого коня. Не повезло и тутъ. Словомъ, на мою долю пришлась цифра проигрыша въ нѣсколько сотъ рублей. Что было дѣлать,—занялъ у одного знакомаго. Онъ, знаете, богатъ, располагаетъ крупными суммами. Тутъ же на скачкахъ Дима и познакомилъ насъ. Денегъ онъ мнѣ далъ сразу, какъ только узналъ, что я князь Вадберскій. Ну, разумѣется, расписку взялъ... Векселя я, какъ несовершеннолѣтній, не могу дать, онъ недѣйствителенъ, а расписку далъ и честное слово, что заплачу самое позднее завтра. Если же не заплачу—грозитъ написать отцу за границу. А вы знаете рара? Съ нимъ ударъ можетъ сдѣлаться, если онъ узнаетъ, что я... играю на скачкахъ... беру въ долгъ деньги и тому подобное...

Валерьянъ замялся. Ія взглянула на него. Лицо юноши казалось еще болѣе растереннымъ и смущеннымъ въ эту минуту.

— Мнѣ очень жаль Юрія Львовича,—произнесла ледянымъ тономъ дѣвушка,—но чѣмъ же могу я помочь

вамъ, однако? И почему вы обратились ко мнѣ, именно, князь? Что я могу сдѣлать теперь для васъ?

— О, все, сестричка! Рѣшительно все!—не давая ей опомниться, неожиданно вдохновился Валерьянъ.—Подумать только: вы служите кассиршей въ богатомъ торговомъ домѣ...

— Что вы хотите этимъ сказать?—подняла на него негодующій взглядъ Ія.

— Ma parole (честное слово), нѣтъ ничего предосудительнаго въ томъ, что вы возьмете три сотни рублей временно, на два, на три дня изъ кассы заимообразно и вручите ихъ мнѣ,—ни мало не смущаясь этимъ негодующимъ взглядомъ, продолжалъ юнкеръ,—а черезъ три дня я вамъ ихъ отдамъ. Ma parole d'honneur, отдамъ, въ пятницу же утромъ, самое позднее вечеромъ. Принесу непремѣнно.

— Что вы говорите, Валерьянъ Юрьевичъ? Развѣ я могу взять безъ спроса чужія деньги?—И строгіе, честные глаза Ія впились въ лицо молодого человѣка.

— Безъ спросу? Чужія деньги? Mille diables, какъ говоритъ мой пріятель Дима, зачѣмъ эти страшныя слова? Во-первыхъ, вы не возьмете этихъ денегъ, а только сдѣлаете небольшой оборотъ съ ними. Во-вторыхъ, черезъ три дня я буду имѣть большую сумму отъ одного моего знакомаго. Онъ дастъ мнѣ ее. Обѣщалъ подъ честнымъ словомъ и вы положите тѣ деньги снова на мѣсто. Въ-третьихъ, когда у васъ бываетъ недѣльная повѣрка кассы? Въ субботу? Да? Великолѣпно! Даю вамъ слово, честное слово князя Вадберскаго, что деньги у васъ будутъ наканунѣ этого дня.

Голосъ юноши звучалъ съ такой силой и убѣдительностью, такъ искренне смотрѣли его печальные въ эти

мгновенія глаза на Ію, что усумниться въ чистотѣ его намѣреній дѣвушка никоимъ образомъ не могла.

Тѣмъ не менѣе, предлагаемая ей Валерьяномъ комбинація казалась Іи до такой степени чудовищной, что она ни на минуту не задумалась надъ возможностью вынуть изъ кассы просимую имъ сумму.

— Ни за что въ мірѣ я не сдѣлаю этого!—вырвалось у ней рѣшительно.—Ни за что!

Валерьянъ сталъ темнѣе тучи. Болѣзненная гримаса страданія проползла по его лицу.

— Въ такомъ случаѣ, за все придется отвѣтить моему бѣдному отцу!—произнесъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Что вы хотите сказать этимъ?—удивленно подняла на него глаза Ія.

— А то, что моя расписка будетъ отослана рара. И Богъ вѣсть, какъ подѣйствуетъ на него вся эта исторія!— И говоря это, Валерьянъ казался совсѣмъ убитымъ и удрученнымъ.

Что-то дрогнуло въ сердцѣ Іи. Огромное чувство жалости и сочувствія къ возможному горю стараго князя болью оцарапало ее. Передъ ея духовнымъ взоромъ выплыла маститая фигура добраго старика, его открытое, благородное лицо, глубокіе, печальные глаза, полные сочувствія къ людямъ. И онъ всегда былъ такъ добръ къ ней и ея брату Андрею! Особенно къ Андрюшѣ, который, благодаря исключительнымъ заботамъ Юрія Львовича, могъ достичь въ искусствѣ того, чего достигъ сейчасъ... Вѣдь не будь стараго князя, не видѣть бы Италіи Андрею! А какъ дивно относился онъ къ молодому художнику! Какъ къ родному сыну...

И вотъ, этотъ чудный, прекрасный человѣкъ, этотъ рыцарь духа, какихъ не много встрѣчается на бѣломъ

свѣтѣ, долженъ будетъ перенести отчаянную боль разочарованія въ сынѣ, котораго онъ такъ любитъ! Нѣтъ, не слѣдуетъ заставлять страдать такого человѣка. Невозможно подвергать его жизнь опасности... Ставить на карту его здоровье, благополучіе, все! Надо не имѣть достаточно сердца для того, чтобы рѣшиться огорчать его. А между тѣмъ, взять чужія деньги безъ спроса изъ кассы—могла ли она рѣшиться на это—Ія?

Съ быстротою смѣны картинъ на лентѣ кинематографа проносились эти мысли въ головѣ дѣвушки. И между ними—одна болѣе или менѣе счастливая, которую она тутъ же рѣшила осуществить. Она переговоритъ съ Ильей Ивановичемъ Донцовымъ обо всемъ откровенно и будетъ просить его помощи, просить разрѣшить ей на нѣсколько дней взять триста рублей изъ кассы магазина.

И она тутъ же подѣлилась этой своей мыслью съ молодымъ человѣкомъ.

Вадберскій, однакоже, не одобрилъ ея:

— Ахъ, сестричка, вы и понятія не имѣете, что за люди всѣ эти хозяева магазиновъ и ихъ управляющіе,—возмутился юноша.—Они боятся за свои сотни, какъ скупцы за сокровища. И навѣрное денегъ не дастъ этотъ вашъ Дунайцевъ или Донцовъ, какъ его тамъ... И мой несчастный отецъ...—закончилъ Валерьянъ минорнымъ тономъ.

— Вы бы побольше думали о вашемъ, дѣйствительно, несчастномъ отцѣ прежде, нежели играть на скачкахъ,—холодно остановила юношу Ія.

— Mais mon Dieu... (Но Богъ мой!) Разъ дѣло сдѣлано... Снявши волосы, по головѣ не плачутъ... Или, наоборотъ, снявъ голову по волосамъ не плачутъ,—такъ кажется,—жалобно съиронизировалъ юнкеръ. —Теперь же мнѣ остается только молить васъ о вашемъ великодушіи, Ія

Аркадьевна. Дайте мнѣ эти несчастныя три сотни завтра и вы увидите, что не въ субботу даже, а въ пятницу вечеромъ я верну ихъ вамъ. Я же клянусь вамъ всѣмъ святымъ и даю вамъ еще разъ мое честное слово, что мой знакомый обѣщалъ мнѣ дать деньги не позднѣе пятницы утра.

Ія взглянула еще разъ на Валерьяна. Онъ казался искреннимъ.

— Хорошо,—подумавъ съ минуту, произнесла молодая дѣвушка,—хорошо, я постараюсь достать вамъ эти деньги. Что у насъ сегодня? понедѣльникъ? Завтра, можетъ-быть, вы получите ихъ, но съ условіемъ—въ пятницу передъ закрытіемъ магазина вы мнѣ принесете ихъ, Валерьянъ Юрьевичъ, обратно!

— Но, само собой разумѣется, что принесу. Какъ можете вы сомнѣваться въ этомъ. Я же далъ вамъ мое честное слово!

— Хорошо.—Завтра приходите въ двѣнадцать часовъ. Постараюсь, хотя и не навѣрное помочь вамъ. А теперь велите остановиться вонъ у того домика. Мы доѣхали. Я уже дома.

И Ія, едва пожавъ руку молодому князю, выпорхнула изъ пролетки.

— Ія Аркадьевна—вы ангелъ... Вы—само великодушіе... Вы—героиня!—послалъ ей въ догонку Валерьянъ.

Но она уже не слышала ничего. «Завтра же попрошу на три, четыре дня у Донцова эти несчастныя деньги. И если Илья Ивановичъ разрѣшитъ»...—думала Ія.

На этомъ обрывались ея мысли... Надя и Жура, встрѣтившіе ее у дверей, уже повисли на ея шеѣ, лишая возможности думать о чемъ-либо иномъ, что не касалось ихъ. Изъ столовой спѣшила Зинаида Юрьевна. Ей Ія не обмол-

вилась ни словомъ о визитѣ Валерьяна, уважая просьбу послѣдняго сохранить строжайшую тайну объ ихъ нынѣшней встрѣчѣ.

Теперь на короткіе часы домашняго отдыха она забыла всѣ свои заботы и тревоги.

И только ночью, когда Зинаида Юрьевна уже спала съ дѣтьми, Ія все еще ворочалась, встревоженная, въ своей постели, терзаясь исходомъ завтрашняго разговора съ управляющимъ и невозможностью спасти отъ непріятности стараго князя.

И только подъ утро, на зарѣ, уснула она въ эту ночь.

Маленькій, толстенькій Илья Ивановичъ, тяжело пыхтя и посапывая носомъ, сидѣлъ въ кассѣ передъ Іей и глядѣлъ съ замѣтнымъ недоумѣніемъ ей въ лицо. А Ія, спокойная, уравновѣшенная, какъ всегда безъ малѣйшей тѣни смущенія въ чуть поблѣднѣвшемъ за безсонную ночь лицѣ, говорила своимъ ровнымъ голосомъ:

— Я понимаю, что моя просьба дика, черезчуръ смѣла и можетъ вамъ показаться даже дерзкой, но, Илья Ивановичъ, я прошу разрѣшить мнѣ взять эти деньги на четыре дня только и не ради себя, не изъ каприза или случайной прихоти, а ради спасенія человѣка, достойнаго и благороднаго, которому всѣмъ обязана моя семья. Конечно, нужно имѣть много довѣрія ко мнѣ, чтобы позволить мнѣ воспользоваться этой суммою изъ кассы. Я это понимаю отлично. Вы же почти не знаете меня. Вы и такъ оказали мнѣ большое вниманіе тѣмъ, что при зачисленіи меня на мѣсто не взяли даже залога, благодаря протекціи Зинаиды Юрьевны и... я это умѣю, вѣрьте, мнѣ, цѣнить... Теперь прошу васъ увеличить это довѣріе и помочь мнѣ выручить изъ бѣды моего родственника.

Ія замолкла и подняла на управляющаго свои честные прямые глаза. Эти глаза никогда не лгали. Они, какъ нельзя лучше, отражали ея свѣтлую и большую душу. Илья Ивановичъ глубоко заглянулъ въ ихъ чистую кристальную глубину:—Вотъ дѣвушка,—думалъ онъ въ эту минуту,—которая могла бы, не говоря мнѣ ни слова, взять у меня изъ кассы нѣсколько сотенъ рублей и не сдѣлала этого. Она чистосердечно обратилась ко мнѣ съ просьбой. Надо такую честность цѣнить и поощрять. Тѣмъ болѣе, что Басланова не чета другимъ здѣшнимъ. Она изъ хорошей, благородной и патріархальной семьи и деньги отдастъ навѣрное.

И тутъ же Илья Ивановичъ рѣшилъ выручить Ію, давъ ей разрѣшеніе вынуть до субботы необходимую ей сумму и посовѣтовалъ при этомъ дѣвушкѣ не разсказывать никому изъ сослуживицъ объ ея займѣ.

— Только ужъ потрудитесь къ субботѣ, чтобы денежки были налицо,—произнесъ онъ въ заключеніе.—И расписочку мнѣ дайте для всякаго случая.

— Конечно, дамъ расписку,—весело отвѣчала дѣвушка и стала горячо благодарить старика.

Тяжелое бремя скатилось сейчасъ съ плечъ Ію. Теперь старый князь, Юрій Львовичъ, не узнаетъ ни о чемъ и ничто не нарушитъ его благополучія и спокойствія.

Передавая конвертъ съ деньгами Валерьяну, Ія взяла съ него два слова. Одно—возвратить деньги не позже пятницы вечера. Другое—никогда больше не играть на скачкахъ, ради его старика отца.

И Валерьянъ поклялся ей тутъ же исполнить все, что она отъ него требовала. Попутно разсыпаясь въ благодарностяхъ, благословляя Ію, онъ божился ей въ томъ, что съ нынѣшняго дня не переступитъ порога тотализа-

тора скачекъ и такъ лебезилъ и заискивалъ передъ дѣвушкой, что окончательно опротивѣлъ своей приторностью Іи и та была рада радехонька, когда непрошенный «братецъ» исчезъ изъ ея клѣтушки-кассы.

ГЛАВА IV.

Какою пестрою по смѣнѣ переживаній проходила для Іи эта недѣля! Озабоченная, задумчивая возвращалась теперь дѣвушка въ ихъ «хибарку» на Васильевскомъ островѣ. И ни Надя, ни Жура, ни участливые вопросы Зинаиды Юрьевны не могли развлечь ее, ни вызвать на откровенность. Когда Ія брала деньги подъ росписку у Ильи Ивановича, то ни на минуту не сомнѣвалась въ порядочности Валерьяна. Онъ казался такимъ искреннимъ и несчастнымъ въ тѣ минуты. Дѣвушка не могла не повѣрить ему. Теперь же, по мѣрѣ приближенія срока отдачи, сердце Іи стало все чаще и чаще сжиматься какимъ-то непріятнымъ тяжелымъ предчувствіемъ. А что если онъ не отдастъ? Что если обманетъ? Вѣдь если она и знаетъ молодого князя, то съ самой нелестной для него, невыгодной стороны. Его поступокъ съ Катей, его льстивое при послѣдней ихъ встрѣчѣ отношеніе къ самой Іи, все это, вмѣстѣ взятое, давало довольно отрицательный типъ ея молодого родственника. И все-таки, въ глубинѣ души Ія надѣялась на благопріятный исходъ дѣла.

— Онъ отдастъ. Не можетъ быть, чтобы не отдалъ! Вѣдь онъ завѣрялъ меня своимъ честнымъ словомъ!— мысленно успокаивала себя молодая дѣвушка.

Въ такихъ сомнѣніяхъ прошли вторникъ, среда и четвергъ. Наступила пятница. Молодая Басланова плохо

спала въ ту ночь. Со смутнымъ чувствомъ какого-то грядущаго бѣдствія поднялась она неспокойная, съ сильной головной болью въ пятницу утромъ. Нехотя проглотила стаканъ кофе, поданный ей Дашей, исполняющей теперь роль не только няньки, но и кухарки, и домоправительницы, и отказавшись отъ завтрака, приготовляемаго для нея каждое утро, спѣшно вышла изъ дома. Убійственно-медленно тянулся весь этотъ день для Іи. Каждый разъ, какъ отворялась дверь магазина и входили покупатели, она невольно вздрагивала и обращала глаза къ входу.— Не Валерьянъ ли? Но его не было. Впрочемъ, помня обѣщаніе юноши быть у нея вечеромъ, Ія была болѣе или менѣе спокойна днемъ. Но чѣмъ ближе подходилъ назначенный часъ, тѣмъ сильнѣе и мучительнѣе становилась ея тревога.

Стрѣлка на часахъ показывала половину восьмого вечера, когда дошедшая до послѣдней степени мучительнаго ожиданія, дѣвушка уже не отрывала глазъ отъ дверей. Валерьяна все не было. Пробило восемь. Послѣднія запоздавшія покупательницы торопились уходить со свертками и картонами изъ магазина. Продавщицы гурьбою направились за перегородку, гдѣ онѣ прятали свое верхнее платье. Оттуда доносился ихъ веселый смѣхъ и живая, бойкая болтовня.

Но Ія ничего не слышала. Ія была какъ во снѣ. Огромная тяжесть лежала у нея теперь на сердцѣ. Мучительно и горько каялась молодая дѣвушка въ своей излишней довѣрчивости и добротѣ.—И подѣломъ тебѣ! И подѣломъ! Тряпка, ничтожество, овца, которую можетъ провести мало-мальски ловкій бездѣльникъ! Стыдись, Ія! Гдѣ твоя сила? Сила твоего характера? Твоя проницательность и благоразуміе?—казнила себя молодая дѣвушка въ

то время, какъ отчаяніе каменной тяжестью наваливалось ей на сердце. Что оставалось дѣлать теперь? Чистосердечно покаяться во всемъ Ильѣ Ивановичу? Разсказать все? Сознаться въ томъ, что сама она, Ія, благоразумная дѣвушка, по глупости и неопытности сдѣлалась жертвой обмана? Просить его высчитывать у нея изъ жалованья хотя бы по двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ, пока не покроется весь ея долгъ? Но какже тогда она будетъ жить? На что? Вѣдь тѣ пятьдесятъ рублей, посылаемые ею матери—должны быть неприкосновенною для нея суммою, изъ которой она никогда не позволитъ себѣ урвать ни гроша. Какъ же жить тогда, какъ жить при долгѣ въ триста рублей и при ея болѣе нежели скромной получкѣ?

Ія глубоко задумалась, вся задавленная своими тяжелыми, безпросвѣтными мыслями. И очнулась только тогда, когда кто-то осторожно тронулъ ее за рукавъ.

— Барышня. Время закрывать. Домой пора,—услышала она голосъ Яши, принесшаго ей пальто.

Кругомъ стояла полная тишина. Магазинъ опустѣлъ. Единственный электрическій рожокъ горѣлъ еще у входа, остальные были потушены. Барышни-продавщицы разошлись давно, пользуясь своей недолгой свободой. Ія спѣшно одѣлась и вышла.

Теплый апрѣльскій вечеръ дохнулъ ей въ лицо душистой, освѣжающей бодростью. Синее небо... чистый воздухъ, снующіе мимо нея автомобили и экипажи, приподнятое по весеннему настроеніе толпы, все это такъ мало гармонировало сейчасъ съ угнетеннымъ настроеніемъ дѣвушки. Она шагала по тротуару широкой людной улицы, а съ нею вмѣстѣ неотступно шагали и ея мысли, безотрадныя мысли совершенно уничтоженнаго несчастьемъ, приведеннаго въ полное отчаяніе человѣка: «Завтра повѣрка

кассы...—думала Ія;—субботній отчетъ... Необходимо пополнить недостающую сумму... Но гдѣ она возьметъ теперь эти деньги, когда такъ очевидно, что Валерьянъ обманулъ ее и не принесетъ ихъ ей никогда...

И ужасъ передъ завтрашнимъ вечеромъ такъ плотно и властно охватилъ душу дѣвушки, такой безпросвѣтной черной тучей накрылъ все ея существо, что Ія въ своемъ отчаяніи и безнадежности даже не находила силы негодовать на поступокъ молодого Вадбергскаго и возмущаться имъ. Она автоматически шагала по тротуару, забывъ о трамваѣ, о необходимости возвращенія домой, объ отдыхѣ и обѣдѣ. И опомнилась лишь очутившись у Александровскаго сада, совершенно не замѣтя пройденнаго ею длиннаго пути.

— Ну и маршируете же вы, барышня, едва догналъ!—услышала позади себя молодая дѣвушка странно знакомый голосъ и живо обернулась на эти слова.

Передъ ней стоялъ тотъ самый оригинальный покупатель, надъ которымъ нѣсколько дней тому назадъ потѣшались ея сослуживцы. И на этотъ разъ человѣкъ, похожій на обезьяну, остался вѣренъ себѣ и своей оригинальности. Вмѣсто мѣховой дохи на немъ была надѣта какая-то удивительная крылатка-шинель, какія носились развѣ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ нашими предками. На головѣ его сидѣла блинообразная старомодная съ огромнымъ козырькомъ фуражка. Самъ же онъ улыбался добродушнѣйшей улыбкой, такъ мало подходившей къ его дикой внѣшности и къ обезьяньей физіономіи, густо заросшей волосами.

— Радъ, очень радъ встрѣтить васъ, барышня, хоть одно знакомое лицо, а то совсѣмъ, признаться, запутался въ проклятомъ этомъ городѣ...—говорилъ онъ, здороваясь

съ Іей. — Сажусь въ трамвай, ѣду на Балтійскій вокзалъ, а попадаю къ Полицейскому мосту. Гляжу въ окошко—вы идете такая сосредоточенная, серьезная... Обрадовался: думаю, старая знакомая... Соскочилъ и за вами слѣдомъ. Наконецъ-то догналъ... Да, что съ вами, барышня? Блѣдны вы чрезмѣрно что-то! И лицо встревоженное... Случилось что съ вами?—и произнося эти слова, незнакомецъ съ большимъ участіемъ заглянулъ въ глаза Іи. Его маленькіе щелочки глазъ блестѣли неподдѣльной добротою и онъ такъ ласково улыбался своимъ огромнымъ ртомъ, обросшимъ цѣлымъ лѣсомъ растительности, что молодая дѣвушка какъ-то сразу почувствовала довѣріе къ нему. Лучъ слабой надежды внезапно блеснулъ въ головѣ Іи. Быстрая мысль промелькнула въ ея мозгу.

— Что если попросить его?—подумала Басланова.—Попросить этого незнакомаго человѣка выручить меня изъ бѣды? И если онъ согласится оказать мнѣ эту огромную услугу—вѣдь я тогда спасена! Не сама ли судьба, позаботившись объ этомъ, посылаетъ мнѣ его въ такой безъисходный, тяжелый моментъ жизни? И словно какая-то сила подхватила и понесла Ію. Она уже не думала о томъ, насколько удобно будетъ для нея прибѣгнуть къ такой помощи у совершенно посторонняго человѣка. Впереди стояла одна цѣль;—возможность спасенія, выхода изъ весьма некрасиваго положенія и, не разсуждая ни о чемъ больше, она заговорила, спѣша и волнуясь, съ дрожью въ голосѣ и яркимъ румянцемъ на щекахъ:

— Не сочтите меня ради Бога безумной,—заговорила она смущенно и взволнованно,—но въ нашей нынѣшней встрѣчѣ я вижу перстъ Божій. Простите меня, не считайте обманщицей, лгуньей... но я нахожусь сейчасъ въ отчаянномъ положеніи... Меня очень подвели, недо-

стойно обманули... Я поручилась въ очень большой суммѣ за одного моего знакомаго... Съ разрѣшенія управляющаго магазиномъ взяла эту сумму изъ кассы до сегодняшняго дня, твердо надѣясь, что мнѣ внесутъ ее въ срокъ и аккуратно... И вотъ...

Ія не договорила. Ея губы дрогнули. Глаза опустились въ землю.

Ея спутникъ смѣрилъ ее всю долгимъ проницательнымъ взглядомъ.

— Бѣдное дитя,—произнесъ онъ послѣ недолгой паузы, съ такимъ мягкимъ выраженіемъ, что Ія, невольно пораженная его возгласомъ, взглянула ему въ лицо. На нее смотрѣли сейчасъ печальные проникновенные глаза, въ то время какъ сочувствующая улыбка раздвинула добродушныя губы незнакомца,—бѣдное дитя! Вѣрю вамъ и отъ души благодарю васъ за вашу откровенность. Постараюсь отплатить вамъ тѣмъ же. Чтобы не показаться вамъ слишкомъ навязчивымъ, страннымъ и смѣшнымъ, я покривилъ на этотъ разъ передъ истиной и передъ вами... Не изъ окна трамвая увидѣлъ я васъ нынче и далеко не случайной была наша встрѣча. Я умышленно ожидалъ васъ невдалекѣ отъ вашего магазина и, какъ только вы вышли оттуда, поспѣшилъ за вами. Мнѣ необходимо было переговорить съ вами. Не вы, а я самъ нуждался и нуждаюсь въ вашей поддержкѣ, въ вашемъ одолженіи...

Онъ прервалъ на минуту свою рѣчь, чтобы перевести дыханіе, и встрѣтивъ недоумѣвающій, удивленный взглядъ Іи, подхватилъ съ еще большимъ оживленіемъ и поспѣшностью:—Да, да, я нуждаюсь въ вашемъ одолженіи, въ вашей помощи. Въ тотъ день, когда счастливая судьба толкнула меня въ двери того магазина, гдѣ вы

служите, и я увидѣлъ васъ, ваши честные правдивые глаза, ваше открытое благородное лицо,—то понялъ, что все еще есть хорошіе люди на свѣтѣ, а вашъ прекрасный поступокъ съ возвращеніемъ мнѣ оброненныхъ мною денегъ, заставилъ меня искать новой встрѣчи съ вами, чтобы просить, да, чтобы просить, умолять васъ принять у меня мѣсто наставницы и сестры милосердія при моемъ больномъ сынѣ... О, нѣтъ, не отказывайтесь,—воскликнулъ онъ, замѣтивъ нерѣшительность на лицѣ Іи...—Мой бѣдный мальчикъ давно приговоренъ врачами. Онъ страдаетъ тѣмъ недугомъ, который свелъ въ могилу его мать. У моего единственнаго сына чахотка. И бѣдному Славушкѣ ничего не осталось отъ жизни, какъ только терпѣливо ждать приближенія... приближенія конца...

Спутникъ Іи замолкъ... Вытащилъ носовой платокъ изъ-подъ полы своей допотопной бекеши и сталъ усиленно сморкаться, чтобы скрыть подступившія слезы. Часто попадавшіеся имъ навстрѣчу прохожіе съ удивленіемъ оглядывали Ію и ея спутника. Его волненіе невольно бросалось въ глаза, а необычайный видъ и внѣшность чудака-оригинала вызывали на губы встрѣчныхъ невольную улыбку. Но Іи незнакомецъ отнюдь не казался смѣшнымъ. Захваченная ужаснымъ человѣческимъ горемъ, горемъ отца, готовившагося потерять единственнаго сына, дѣвушка въ эти минуты совершенно забыла о своей личной непріятности и вся ушла въ переживаніе чужого страданія, чужой, куда болѣе нежели у нея, глубокой бѣды. Ей хотѣлось утѣшить, успокоить несчастнаго отца, помочь ему словомъ, совѣтомъ. Но что могла она придумать, какое утѣшеніе найти для него, она, такая молодая и неопытная; чѣмъ могла она успокоить человѣка въ такомъ безпросвѣтномъ горѣ...

Между тѣмъ ея спутникъ немного оправился и продолжалъ уже болѣе спокойнымъ голосомъ.

— Да, мой маленькій Святославъ — приговоренный. Онъ обреченъ судьбою съ самаго нѣжнаго возраста на раннюю смерть. Тотчасъ же послѣ кончины жены я узналъ объ этомъ и, чтобы спасти ребенка, повезъ его въ теплыя страны. Гдѣ мы только ни бывали съ нимъ! И въ Каирѣ, и въ Ниццѣ, и въ Швейцаріи, и у насъ въ Крыму. Я искусственнымъ образомъ поддерживалъ слабо-мерцающій огонекъ его жизни. Но мальчикъ не окрѣпъ даже подъ знойнымъ солнцемъ и небомъ Египта. Онъ таялъ, какъ свѣча. И вотъ, мнѣ посовѣтовали увезти его въ Финляндію, въ холодную, суровую Финляндію, которая по новому трактованію медицинской мудрости въ иныхъ случаяхъ спасаетъ отъ такого рода недуговъ вѣрнѣе солнца и его пекла въ южныхъ странахъ. Мои средства позволили мнѣ пріобрѣсти небольшую мызу въ самомъ дикомъ мѣстѣ Финляндіи недалеко отъ Выборга, въ десяти верстахъ отъ станціи желѣзной дороги. И тамъ мы поселились, я, мой маленькій Святославъ, докторъ, приглашенный къ намъ послѣ поѣздки въ Швейцарію, наша немногочисленная прислуга. Къ счастью, доктора правы: климатъ Финляндіи совершилъ чудо. Славушка окрѣпъ, поправился здѣсь. Но, къ сожалѣнію, ни одна гувернантка не хочетъ ѣхать въ нашу глушь. Были опыты, но всѣ оказались неудачными. Всѣ приглашенныя мною воспитательницы (мужскому элементу, воспитателю нечего дѣлать около моего сына, такъ какъ ему, повторяю, нужна больше сидѣлка, нежели воспитательница), проживъ не болѣе недѣли, другой, отказывались отъ мѣста и оставляли нашъ домъ. Я нарочно пріѣхалъ теперь въ Петербургъ чтобы пригласить къ Славушкѣ новую настав-

ницу. И мой выборъ палъ на васъ... Я понялъ, что не найду ничего лучшаго съ первой же минуты, какъ увидѣлъ васъ въ окошечкѣ кассы. А вашъ достойный поступокъ привелъ меня къ окончательному рѣшенію. Умоляю васъ не отказывайте намъ! Вы сдѣлаете доброе дѣло. Вы облегчите страданье приговореннаго къ смерти ребенка и отчасти успокоите и его отца... Что же касается вознагражденія, то, имѣя въ виду всю тяжесть ухода за больнымъ, я не только вамъ, но и всѣмъ, кто служилъ у меня до сихъ поръ въ качествѣ наставницы моего сына, предлагаю не менѣе ста рублей ежемѣсячно. И авансомъ сколько хотите. Вы говорите, что васъ обманули въ денежномъ отношеніи. Большую сумму не отдали вамъ?

— О, огромную!—вырвалось у Іи.

— Нѣсколько тысячъ?

— Что? Нѣтъ, какъ можно! Триста рублей!..

Ія невольно вздрогнула отъ того взрыва смѣха, которымъ внезапно и неожиданно разразился ея спутникъ. Переходы отъ безысходной печали къ этому непроизвольному безудержному хохоту были такъ же неожиданны и странны, какъ и весь внѣшній и внутренній образъ этого человѣка, Теперь его маленькіе свѣтящіеся глазки были полны слезами, но не печали, а смѣха... Ія, смотря на него, и сама улыбнулась невольно. И эта невольная улыбка дала дѣлу совершенно неожиданное направленіе.

— Ну вотъ! Ну вотъ! Вы улыбнулись, значитъ—согласны. Я радъ, что вы согласились. Я зналъ, что вы ангелъ по добротѣ. Благослови васъ Богъ за ваше великодушіе. А ужъ Славушка-то мой какъ радъ будетъ. Еще бы! Имѣть такую молодую, симпатичную, добрую наставницу. Съ послѣдней Марьей Ивановной—кузиной докто-

ра, они не ладили, пришлось ее отпустить. А насчетъ денегъ не безпокойтесь, ради Бога; вотъ вамъ ваши триста рублей, авансъ вашего заработка. Черезъ шесть мѣсяцевъ мы будемъ квиты... Вы заслужите ихъ въ этотъ срокъ, если даже я буду вычитать только половину вашего жалованья... И, порывшись во внутреннемъ карманѣ своей старомодной шинели, спутникъ Іи передалъ ей нѣсколько скомканныхъ бумажекъ.

— Кажется, такъ... Сосчитайте...—произнесъ онъ, не глядя на деньги.

— Но...

— Безъ «но»... барышня, милая... Хотите спасти людей—не лишайте своей помощи. И вотъ еще прошу—поторопиться. Черезъ два дня я долженъ возвратиться на мызу... Ужъ будьте готовы, прошу васъ... И адресочекъ вашъ оставьте, заѣду въ понедѣльникъ самъ за вами. Не позже 7-ми часовъ. Поѣздъ нашъ отходитъ ровно въ 8... Да вотъ еще: боюсь я за васъ, не соскучились бы вы въ нашей глуши...

— Мнѣ некогда будетъ скучать!—вырвалось у Іи, которая въ глубинѣ души уже давно рѣшила принять столь необходимое для нея предложеніе: «Что дѣлать,—думала попутно молодая дѣвушка,—не придется съѣздить къ мамѣ въ родныя Яблоньки, повидаться съ милой старушкой. Пусть Катя ѣдетъ туда одна по окончаніи занятій и экзаменовъ. Попрошу Зину Градову, пока что, замѣнить ей меня. Пусть въ отпускъ ходитъ къ ней Катя попрежнему, какъ и при мнѣ, и пускай отъ Зины же и отправляется на родину.

— Благодарю васъ,—уже громко вслухъ докончила свою мысль Ія.—Я съ удовольствіемъ принимаю ваше предложеніе и особенно благодарю васъ за деньги, довѣ-

ренныя мнѣ авансомъ. Вотъ визитная карточка; на ней значится и мой адресъ. И молодая дѣвушка протянула своему спутнику вынутый изъ кармана небольшой кусочекъ картона.

Незнакомецъ принялъ ее и въ свою очередь передалъ свою. На толстомъ четырехугольникѣ значилось старинной вязью: «Алексѣй Алексѣевичъ Соринъ». И больше ничего.

ГЛАВА V.

Всѣ послѣдующія событія промелькнули съ быстротою кинематографическихъ картинъ для Іи.

Пришелъ и ушелъ вечеръ субботы съ подсчетомъ кассы и заблаговременнымъ приложеніемъ недостававшей до этого дня суммы. Нечего и говорить о томъ, что Валерьянъ такъ и не показывался съ забранными имъ у Іи деньгами. Удивленіе Ильи Ивановича Донцова достигло крайнихъ предѣловъ, когда совсѣмъ неожиданно Ія, поблагодаривъ его за оказанное ей довѣріей, отказалась отъ мѣста.

— Да какже это такъ, вдругъ, барышня? Съ бухты барахты? Разъ, два и готово. И мы вами довольны и вы нами какъ-будто. Служить бы да послуживать, значитъ, а вы вотъ, какъ нарочно, покидаете насъ. Рѣдко, когда попадется такой хорошій, честный человѣкъ, какъ вы, и непремѣнно переманятъ его на лучшее мѣсто,—уже горячился и возмущался старикъ-управляющій. Чтобы вывести его изъ заблужденія, Іи невольно пришлось разска-

зать про происшедшее съ нею за эти дни несчастье; не называя фамиліи виновника его—Валерьяна, но не забывъ упомянуть и о выручившемъ ее изъ бѣды незнакомцѣ, которому рѣшила заплатить добромъ за добро.

Лишь только Илья Ивановичъ услышалъ объ этомъ, онъ весь такъ и зашелся негодованіемъ.—Да Бога вы не боитесь, барышня, да неужели же изъ-за трехъ сотенъ какихъ-то злосчастныхъ намъ работницы хорошей лишаться! Да сказали бы вы хоть одно слово мнѣ о томъ, да я бы ждалъ отдачи хоть сотню лѣтъ...

И онъ еще долго распространялся на эту тему, все еще, вѣроятно, надѣясь на то, что Ія откажется отъ своего рѣшенія и останется служить у нихъ.

Совершенно иначе отнеслись къ уходу молодой дѣвушки ея сослуживицы. Илочка, Тина, Машенька, Катя и другія барышни-продавщицы завидовали недавней скромной кассиршѣ, мелькомъ, на ходу услыхавъ изъ ея разговора съ управляющимъ о томъ, что она, Ія Басланова, получила очень лестное и выгодное для нея приглашеніе.

— И везетъ же такимъ бѣлоручкамъ! Небось, теперь наживетъ денегъ кучу. Не то, что мы грѣшныя,—шептались онѣ по уголкамъ отдѣленія.

И вотъ Ія ушла. Словно во снѣ произошло съ нею все послѣдующее: ея послѣднія сутки «дома», въ маленькой хибаркѣ на Васильевскомъ островѣ; послѣдніе проведенные часы съ Катей, Зиной, ея дѣтьми и Леонидомъ, прибѣжавшимъ проводить ее. Никому изъ нихъ Ія не разсказала про неблаговидный поступокъ Валерьяна. Ей самой становилось какъ-то стыдно за человѣка, рѣшившагося такъ безчестно подвести ее. Всѣ свои заботы

и ласки, какія только имѣлись въ душѣ Іи, отдавала она теперь передъ разлукой младшей сестренкѣ:—Ради Бога, поберегите мнѣ Катю, Зина,—трогательно просила Ія молодую женщину.

— Да ладно ужъ, ладно, сберегу вамъ сокровище ваше,—добродушно отмахивалась та, вызывая на свое обычно суровое лицо теплую, ласковую улыбку,—небось не забыла, какъ вы, словно насѣдка за цыплятъ, за моихъ Журу и Надю заступались.

— А ты, Катя, заботься о мамѣ, когда домой пріѣдешь. Все ей разскажи, нашей милой. Я отъ себя ей напишу пока что. Да занимайся хоть немного лѣтомъ. Съ книги списывай, задачи рѣшай. А еще скажи мамочкѣ, что я всей душой къ ней рвалась хоть на недѣльку. Не судьба, значитъ. Въ письмѣ все ей объясню подробно. Да пиши ты мнѣ почаще, ради Бога, отсюда и изъ дома. Ну, храни тебя Господь!..—Это были послѣднія слова Іи, адресованныя сестрѣ передъ отъѣздомъ. Катя горько плакала, обнимая и цѣлуя старшую сестру. Зинаида Градова крѣпко жала ея руку... Жура и Надя рыдали навзрыдъ. Когда вечеромъ Алексѣй Алексѣевичъ заѣхалъ къ Градовымъ, онъ не могъ не умилиться душою при видѣ трогательнаго прощанія сестеръ и друзей. . . . . .

. . . . . .

Поѣздъ свистнулъ и отошелъ отъ станціи.

Возница финнъ, куря трубку и флегматично подергивая возжами, подкатилъ къ крыльцу вокзала на своей тряской таратайкѣ.

— Садитесь, Ія Аркадьевна, вамъ неудобно? Какая досада, что не телеграфировалъ на мызу. Выслали бы экипажъ за нами. Пожалѣлъ людей безпокоить ночью,—хлопоча около своеобразнаго чухонскаго экипажа, и уса-

живая и устраивая въ немъ Ію, говорилъ Алексѣй Алексѣевичъ Соринъ.

Полуживая отъ усталости молодая дѣвушка усѣлась въ тарантасъ. Глаза ея слипались. Въ головѣ мелькали вереницы сонныхъ безсвязныхъ мыслей. Долгая тряска въ вагонѣ, позднее ночное время, частая смѣна впечатлѣній за этотъ день,—все это вмѣстѣ взятое не могло не повліять на настроеніе дѣвушки. Она чувствовала себя невѣроятно уставшей. А кругомъ нея сѣверная апрѣльская ночь давно ткала свои причудливые узоры.

Бѣлыя сумерки разсвѣта казались безсолнечнымъ прохладнымъ денькомъ. Мохнатыя огромныя сосны, уходя въ небо, особенно рельефно выдѣлялись мохнатыми зелеными пушистыми вѣтвями на этомъ свѣтломъ фонѣ. Глубокіе пески желтѣли повсюду и молодая едва освободившаяся отъ снѣга травка и мохъ уже мягко зеленѣли по краямъ дороги. Но тамъ, подальше, въ глубинѣ лѣса лежали еще набухшія, грязныя полосы снѣга. Гдѣ-то вдали уже шумѣли по весеннему озера. Величаво и сумрачно высились холмы. Таратайка то и дѣло ныряла въ ложбины или поднималась змѣею извивающейся на возвышенности дорогѣ. Птицы щебетали предсолнечнымъ щебетаніемъ, шарахаясь въ кустахъ. Алексѣй Алексѣевичъ заботливо накинулъ на плечи своей спутницы теплую мѣховую пелерину.

— Удобно ли вамъ?—наклонясь, спросилъ онъ Ію.

Дѣвушка едва нашла въ себѣ силы отвѣтить ему что-то съ просонья. Туманная греза сильнѣе съ каждой минутой сковывала ее. Она же словно засыпала пескомъ глаза и налила свинцомъ ослабѣвшее тѣло.

Таратайка попрежнему то мягко вспрыгивала на холмъ, то быстро и легко соскальзывала съ него внизъ,

гремя колесами. Скоро сладкое забытье совершенно затуманило мозгъ Іи и она забылась, медленно погрузилась въ дремоту.

— Пріѣхали! Ія Аркадьевна, пожалуйте. Съ Богомъ входите въ мою скромную хату!—услышала дѣвушка съ просонья знакомый голосъ Сорина и открыла глаза. Солнце ярко и весело брызнуло ей въ лицо своимъ утреннимъ потокомъ. Таратайка стояла передъ воротами мызы. Флегматичный финнъ, доставившій ихъ сюда со станціи, тащилъ ея чемоданъ къ калиткѣ и кричалъ что-то на его непонятномъ для Іи нарѣчіи.

— Что Святославъ Алексѣевичъ? Какъ здоровье?—съ плохо скрытою тревогою въ головѣ обратился Соринъ къ отворившему имъ калитку человѣку.

Человѣка звали Степаномъ; онъ принялъ у чухонца пожитки барышни и, сунувъ чемоданъ другому встрѣчавшему слугѣ, кинулся къ таратайкѣ, гдѣ находились картонки, пакеты и корзины хозяина.

— А мы, баринъ, нынче васъ и не ждали. Даже думали телеграфировать станете. Святославъ Алексѣевичъ почиваютъ... Они, слава тебѣ Господи, все время безъ васъ хорошо себя чувствовали. Только скучали малость... Господинъ Магнецовъ и то жаловались на барчонка... Сладу сказывали нѣтъ. Тосковали, капризничали, попашеньку дожидались,—самымъ обстоятельнымъ образомъ докладывалъ словоохотливый Степанъ. Другой человѣкъ Ефимъ, служившій кучеромъ, дворникомъ и сторожемъ на мызѣ, угрюмаго вида человѣкъ, молча принялъ пожитки и понесъ ихъ въ домъ.

Послѣдній казался совсѣмъ необитаемымъ и пустыннымъ.

Солнце играло на стеклахъ небольшого двухэтажнаго

зданія, построеннаго по образцу норвежскихъ домиковъ. Онъ стоялъ въ саду. Вокругъ домика росли сосны и пихты... Сѣрые зыбучіе финскіе пески ревниво охраняли садъ отъ малѣйшаго признака зеленой травки... Однообразно шли тѣ же песчаныя неровныя дорожки, змѣясь и волнообразно убѣгая куда-то подъ густые шатры вѣчно-зеленыхъ хвойныхъ деревьевъ. И самый домъ съ его галлерейкой второго яруса, съ его прямой плоской крышей не понравился Іи. Что-то скучное, суровое сказывалось въ его внѣшнемъ видѣ. Это скучное согласовалось какъ нельзя лучше съ однообразной и угрюмой природой. Сердце молодой дѣвушки екнуло. Гнетущая тоска толкнулась въ грудь Іи и заполонила ея душу.

— Боже, какъ здѣсь будетъ тоскливо,—невольно подумала дѣвушка и тотчасъ же отогнала отъ себя недостойную по ея мнѣнію мысль.

— Какая же можетъ быть тоска, когда ей предстоитъ такая прекрасная, свѣтлая и благородная работа: воспитывать больного мальчика, утѣшать его въ горькомъ, безотрадномъ житьѣ-бытьѣ, заниматься, учить его,—да развѣ это уже одно не является радостнымъ трудомъ, могущимъ дать огромное самоудовлетвореніе?

Какой-то рокочущій шумъ долетѣлъ до ушей Іи, пока она входила въ сѣни своего новаго жилища.

— Это озеро наше шумитъ, не извольте безпокоиться, барышня—услышала она голосъ Степана, указывавшаго ей по порученію Алексѣя Алексѣевича дорогу въ ея комнату.

Рядомъ небольшихъ, но чрезвычайно чистыхъ и уютно обставленныхъ стильной норвежской мебелью комнатъ Ія прошла къ себѣ. Ея горница находилась въ нижнемъ этажѣ дома. Въ верхнемъ этажѣ жилъ самъ хозя-

инъ съ сыномъ, прислуга и докторъ, неотлучно находившійся въ домѣ при маленькомъ больномъ Соринѣ. Внизу же была столовая, гостиная, кухня и ея, Іина, угловая комната, выходившая огромнымъ окномъ въ самую чащу сада. Эта комната съ чистой узкой постелью, съ зеркальнымъ корельскаго дерева бѣлымъ шкапомъ, письменнымъ столикомъ и широкимъ кресломъ-кушеткой сразу понравилась ей. Выкрашенная масляной краской, чуть сумрачная отъ караулившихъ ее у окна зеленыхъ сторожей-сосенъ, росшихъ по сосѣдству въ саду, она, эта просторная, чистенькая и уютная горница невольно располагала къ занятіямъ здѣсь, подъ ея гостепріимнымъ кровомъ. Чья-то благодѣтельная рука позаботилась и объ удобствахъ Іи. Въ новенькомъ чрезвычайно простомъ, но удобномъ умывальникѣ была налита студеная вода. На письменномъ столѣ разставлены принадлежности для письма; стоялъ простой, но изящный письменный приборъ. На полкахъ, прибитыхъ на стѣнѣ, прижимались другъ къ другу томики классиковъ: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Некрасова и Гончарова.

Бѣлоснѣжное полотенце, покрывало и подушки кровати ласкали своей безупречной чистотою глазъ. Едва успѣла налюбоваться всѣмъ этимъ Ія, какъ услышала стукъ въ дверь. Вошелъ снова Степанъ.

— Баринъ проситъ васъ закусить съ дороги. Барченокъ спятъ, почиваютъ крѣпкимъ сномъ. До завтрака не придется вамъ съ нимъ познакомиться. А закусить пожалуйте, барышня.

Но Ія менѣе всего хотѣла закусывать теперь, въ четыре часа утра. Непреодолимая сонливость и дремота мѣшали говорить и двигаться.

— Спасибо, Степанъ. Поблагодарите Алексѣя Але-

ксѣевича, но ѣсть я не хочу. Скажите, что не до ѣды, спать хочется.

— Ну, добраго сна, барышня,—отвѣчалъ словоохотливый Степанъ и исчезъ за порогомъ. Лишь только онъ вышелъ, Ія быстро раздѣлась и юркнула въ постель. А черезъ нѣсколько минутъ уже спала крѣпкимъ сномъ, сладко убаюканная весеннимъ шумомъ находившагося здѣсь же по сосѣдству большого озера.

ГЛАВА VI.

Ія спала долго и крѣпко. Она не проснулась даже и тогда, когда, чуть слышно скрипнувъ дверью, вошла въ ея комнату плосколицая, рыхлая, старая чухонка Анна-Марія, служившая одновременно и кухаркой и горничной на мызѣ Сорина, въ финской глуши.

— Тавай, парисня, ремя тавать, голюбуська,—произнесла она, участливо разсматривая молодое свѣжее личико спящей. «Вотъ и привезли новую гувернантку барченку,—думала Анна-Марія, будя Ію,—а долго ли поживетъ такая молоденькая да красивая здѣсь безъ людей, одинъ Господь знаетъ. Пріѣзжали сюда служить и не такія молоденькія, много постарше, да и тѣ самое дольшее больше мѣсяца здѣсь не оставались. Шутка ли, кругомъ на 15 верстъ ни живой души. Ни сосѣдей, ни деревни даже. Одной ей старой Аннѣ-Маріи непочемъ это, она родилась и выросла на этой мызѣ, въ здѣшней глуши. Ея покойный мужъ былъ управителемъ и сторожемъ у прежнихъ хозяевъ. И она, Анна-Марія, перешла вмѣстѣ съ мызой отъ стараго хозяина къ новому, купившему это гнѣздо. Она умѣетъ чисто и вкусно готовить, убирать комнаты, и не

мудрено, что ей удалось угодить новому владѣльцу. Для черной работы здѣсь держатъ работницу Иду, тоже финку, которая и ходитъ за коровами. Остальную болѣе трудную работу исполняютъ мужчины. Анна-Марія уже годъ со дня пріѣзда сюда новыхъ хозяевъ служитъ имъ. Водвореніе Сориныхъ на мызѣ совпало со днемъ смерти ея мужа, старика Адама. Теперь его обязанности подѣлили между собою Степанъ съ Ефремомъ. Анна же знаетъ одно комнатное и кухонное хозяйство. Она любитъ эту мызу, гдѣ родилась, выросла и вышла замужъ за своего Адама. Любитъ это угрюмое, одинокое, печальное гнѣздо, затерянное среди песковъ и вѣчно-зеленыхъ сосенъ. Она привыкла и къ одиночеству и къ тишинѣ и къ неумолчному плеску большого холоднаго озера. Никуда ее не тянетъ старую одинокую женщину. А все же порою въ долгіе зимніе вечера взгрустнется, бывало, и ей; вспоминается умершій мужъ, вышедшія въ далекую сторону замужъ дочери. И перемолвиться о нихъ не съ кѣмъ. Баринъ самъ Алексѣй Алексѣевичъ Соринъ дни и ночи просиживаетъ у себя въ кабинетѣ, что-то пишетъ, что-то читаетъ. Славушка лежитъ цѣлыми днями, а по вечерамъ со Степаномъ, котораго очень любитъ, возится въ залѣ. Пріѣзжія наставницы, смѣнявшія одна другую, и вовсе не нравились Аннѣ-Маріи. Онѣ ни слова не говорили по-фински, она очень, совсѣмъ плохо объясняется по-русски. Да и важныя онѣ, повидимому, были барышни... А эта, какъ-будто, на нихъ и не похожа вовсе. Размышляя такимъ образомъ, Анна-Марія ниже склоняется надъ Іей и пристально разглядываетъ молодое благородное лицо спящей, любуясь ея чудесными свѣтлыми волосами, длинными, сомкнутыми рѣсницами.

— Тавай, парисня, тавай, миляя!..—лепечетъ она.

Неожиданно и быстро Ія поднимается и садится на постели.

— Который часъ? Уже поздно? А вы, вѣрно, Анна-Марія, про которую мнѣ разсказывалъ дорогою господинъ Соринъ?—задаетъ она вопросъ разбудившей ее старухѣ, и потянувшись впередъ крѣпко сжимаетъ мозолистыя загрубѣвшія въ работѣ руки Анны-Маріи. Старуха, непривычная къ такому отношенію со стороны пріѣзжихъ гувернантокъ, улыбается во всю ширь своего плоскаго лица и киваетъ головою.

— Добро позяловать! Богъ помоць!—коверкая слова, ласково роняетъ она.

Солнце поднялось высоко на небѣ, когда Ія, умывшись и причесавшись, совсѣмъ уже одѣтая, выходитъ въ столовую. Тамъ тотъ же вездѣсущій Степанъ хлопочетъ возлѣ самовара на хозяйскомъ мѣстѣ. На немъ красная сатиновая рубаха съ ременнымъ поясомъ и высокіе сапоги. А въ большомъ и удобномъ креслѣ Ія видитъ чудесное, воздушное свѣтлое видѣнье, крошечную, но кокетливую маленькую фигурку съ распущенными по плечамъ льняными локонами и черными глазами, похожими на спѣлыя черныя вишни, обрызганныя росой.

На маленькой фигуркѣ надѣтъ тотъ самый голубой воздушный капотъ-матинэ съ бѣлымъ кружевнымъ воротомъ, который она нѣсколько дней тому назадъ продавала Сорину въ магазинѣ дамскихъ нарядовъ.

— Да вѣдь это Славушка!—соображаетъ вслухъ Ія, не сводя глазъ съ прелестнаго ребенка.

Очаровательное маленькое созданье приподнялось съ кресла... Полы капота распахнулись и изъ-подъ нихъ мелькнули ноги мальчика, одѣтые въ длинные матросскіе штаны и желтые ботинки.

— Славушка!—еще разъ произнесла Ія и радостнымъ жестомъ протянула навстрѣчу мальчику обѣ руки. Красота ребенка ее поразила. Эти черные звѣзды-глаза при свѣтлыхъ льняныхъ эффектно вьющихся волосахъ такъ и напрашивались на картину. А очаровательная улыбка, освѣщавшая какимъ-то особеннымъ свѣтомъ, это прекрасное личико дѣлала его похожимъ на лица ангеловъ, изображаемыхъ на картинахъ.

— Да, я—Славушка Соринъ, а вы Ія Аркадьевна, моя новая наставница?—прозвучалъ удивительно музыкальный и нѣжный голосокъ ребенка тономъ вполнѣ взрослаго человѣка. Ія молча кивнула головою и впилась глазами въ блѣдное точеное личико, казавшееся фарфоровымъ въ ореолѣ свѣтло-бѣлокурыхъ кудрей. Эта прозрачная блѣдность нѣжной сквозившей голубыми жилками кожи яснѣе и нагляднѣе всѣхъ другихъ видимыхъ причинъ указывала на присутствіе ужаснаго недуга въ тщедушномъ тѣльцѣ ребенка. И жуткое до боли чувство жалости змѣйкой вползло въ сердце Іи и сразу расположило въ пользу маленькаго больного. Боже мой, помоги мнѣ раздуть огонекъ жизни, слабо теплющійся въ этомъ хрупкомъ организмѣ, мысленно вознесла свою мольбу къ небу молодая дѣвушка, въ то время какъ ея энергичныя маленькія руки крѣпкимъ пожатіемъ привѣтствовали мальчика.

— Я радъ васъ видѣть. Я ужасно радъ васъ видѣть,— говорилъ Славушка, вскидывая на Ію черные блестящіе глаза. Потомъ, съ видомъ маленькаго хозяина онъ сталъ радушно угощать находившимся на столѣ холоднымъ завтракомъ свою будущую наставницу. Самъ онъ ѣлъ мало и неохотно съ полнымъ отсутствіемъ аппетита и удовольствія. Ія съ нескрываемымъ сочувствіемъ смотрѣла на это

ангельское личико и усталые лихорадочно-блестящіе глаза ребенка. Когда же, выпивъ стаканъ молока и съѣвъ порцію холоднаго ростбифа, молодая дѣвушка встала изъза стола, Славушка предложилъ ей пойти посмотрѣть мызу съ ея несложнымъ хозяйствомъ.

— Только ужъ вы простите меня, я очень плохой спутникъ. И подвигаюсь на столько быстро, на сколько быстро Степанъ возитъ мое кресло-колясочку. Вѣдь мои ноги такъ слабы, что я вовсе не могу ходить,—съ жалкой виноватой улыбкой заключилъ Славушка.

Слезы жалости обожгли горло Іи. Но она пересилила себя и съ веселой улыбкой отвѣчала мальчику:

— Конечно, конечно, мы совершимъ чудесную прогулку, Славушка. Вы покажете мнѣ все ваше маленькое хозяйство. Одѣвайтесь же поскорѣе. Вѣдь, надо надѣяться, вы не выѣдете на прогулку въ этомъ голубомъ капотикѣ,—пошутила она, чтобы придать хоть немного бодрости маленькому человѣку.

— Ну, разумѣется, нѣтъ. Голубой капотикъ мнѣ привезъ нынче папа изъ Петербурга. Онъ очень любитъ, когда я дѣлаюсь похожимъ на дѣвочку. Тогда еще рѣзче выступаетъ мое сходство съ покойной мамой,—не безъ гордости произнесъ ребенокъ.—Вы еще не видѣли, конечно, ея портрета, который стоитъ въ кабинетѣ у папочки. Сейчасъ я не могу вамъ показать его. Папа занимается въ кабинетѣ. Пишетъ свою большую книгу о передвигающихся растеніяхъ. Мой папа ученый ботаникъ, Ія Аркадьевна, онъ профессоръ; читалъ прежде лекціи студентамъ, теперь же бросилъ службу изъ-за меня. Бѣдный папочка, сколько ему предстоитъ еще возни со мною! Я очень нездоровъ, Ія Аркадьевна, очень боленъ. И папѣ приходится возиться съ моимъ леченьемъ, ѣздить со мною за гра-

ницу, держать въ домѣ постояннаго доктора. Ахъ, какъ грустно, если бы вы знали, Ія Аркадьевна, какъ больно причинять столько заботъ и волненія папочкѣ... Онъ такой добрый и я его такъ люблю. Вы знаете, мнѣ иногда кажется, что ему пожалуй легче было бы, если бы я не мучился, не болѣлъ, а лежалъ какъ мама въ могилкѣ.

Ія не дала договорить ребенку. Она схватила его слабенькія, маленькія рученки въ свои и, осторожно сжимая ихъ, заговорила, стараясь во что бы то ни стало справиться съ охватившимъ ее волненіемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Вы совершенно не правы, Славушка. Вы ошибаетесь, мой мальчикъ. Гораздо легче имѣть васъ около себя вашему папѣ, такимъ слабенькимъ и хрупкимъ, какой вы есть на самомъ дѣлѣ, нежели совсѣмъ потерять васъ. Вѣдь вы—все для вашего отца. И жизнь и солнышко и воздухъ. Подумайте только, что за ужасъ будетъ для него лишиться васъ!..

— Вы думаете, что ему все-таки легче, что я живу съ нимъ?—произнесъ нерѣшительно Славушка и его кроткіе глазки поднялись на Ію съ трогательнымъ выраженіемъ мучительнаго запроса.

— Какъ вы можете еще спрашивать объ этомъ!—горячо и искренно сорвалось съ губъ послѣдней,—вѣдь, теряя васъ, вашъ отецъ останется совсѣмъ-совсѣмъ одинокимъ на свѣтѣ.

— Да, да, вы правы! Вы такъ успокоили меня,—какъ-то задумчиво и не по-дѣтски-серьезно произнесъ мальчикъ.—Вѣдь такъ, какъ вы говорите, никто еще не говорилъ со мною. Тѣ, прежнія наставницы, которыхъ приглашалъ ко мнѣ папа, отвѣчали всегда одно и то же: что я еще слишкомъ молодъ для такихъ разговоровъ, или, что все это глупости и что я люблю воображать то, чего

нѣтъ на самомъ дѣлѣ. И только вы, вы одна поняли меня и такъ хорошо меня успокоили... И... и я не знаю, дорогая Ія Аркадьевна, но я васъ сразу полюбилъ за это. И всегда, всегда буду любить васъ и останусь вашимъ другомъ.

— Ну вотъ и отлично, давайте въ знакъ дружбы ваши лапки и будемъ друзьями разъ навсегда!—весело подхватила мысль малютки Ія.

Тотъ съ важностью взрослаго человѣка протянулъ ей свою худую слабенькую ученку и пожалъ ея пальцы. Потомъ подозвалъ Степана, хозяйничавшаго у самовара, и попросилъ отвезти его одѣваться.

Кресло на колесикахъ покатилось изъ столовой съ тѣмъ, чтобы десятью минутами позже появиться снова въ передней съ одѣтымъ въ верхнее платье Славушкой. Ія, совсѣмъ готовая къ прогулкѣ, ждала его тамъ.

Маленькая, но весьма комфортабельно устроенная мыза Сориныхъ произвела на Ію крайне отрадное впечатлѣніе. Въ конюшнѣ ихъ встрѣтилъ веселымъ ржаніемъ гнѣдой красавицъ Лютикъ и старая Водовозка. Въ хлѣвѣ румяная, веселая Ида привѣтствовала ихъ безчисленными книксенами. По-русски она не понимала вовсе, и знакомство ихъ съ Іей ограничилось лишь улыбками съ обѣихъ сторонъ. Въ стойлахъ стояли четыре коровы, которыхъ Славушка пожелалъ угостить хлѣбомъ, предусмотрительно захваченнымъ изъ дома Степаномъ.

Потомъ пошли на озеро. Огромное, синее, шумливое, оно произвело глубокое впечатлѣніе на Ію. Волны бурлили здѣсь еще по-весеннему. Зеленыя сосны и глубокіе пески, желтѣвшіе на обрывѣ крутого, высокаго берега, дополняли его дикую красоту, отражаясь въ зеркальной поверхности озера.

Отсюда Степанъ покатилъ кресло Славушки по направленію лѣса. Ія шла подлѣ, держась за ручку этого своеобразнаго экипажа. По просьбѣ мальчика, она разсказывала ему о своей семьѣ, о милыхъ обитательницахъ Яблонекъ, о братѣ-художникѣ и о маленькихъ друзьяхъ Журѣ и Надѣ съ ихъ свѣтлой энергичной матерью.

Широко раскрытыми глазами смотрѣлъ Славушка на свою спутницу. Хотя Ія ни словомъ не обмолвилась еще о томъ, что заставило ее уѣхать изъ родного гнѣзда и поступить на мѣсто, чуткій мальчикъ умомъ преждевременно развившагося маленькаго человѣчка понялъ, что одна только необходимость помогать родной семьѣ заставила молодую дѣвушку искать заработка вдали отъ близкихъ ея сердцу людей.

Къ обѣду спустился изъ своего кабинета профессоръ Соринъ. Пришелъ докторъ Магнецовъ, находившійся безотлучно въ домѣ, серьезный, задумчивый человѣкъ, со сдержанными манерами и тихой рѣчью. Его познакомили съ Іей, и въ серьезномъ, умномъ взглядѣ доктора, обращенномъ на Славу, Ія прочла то же искреннее участіе, ту же безконечную готовность помочь милому маленькому больному. Да и не только самому Алексѣю Алексѣевичу Сорину, обожавшему сына, не только доктору Виктору Павловичу, но и всѣмъ окружающимъ: прислугѣ, Степану, добродушной Аннѣ-Маріи и недалекой Идѣ, былъ, повидимому, дорогъ и милъ этотъ хрупкій, какъ цвѣтокъ, и нѣжный, какъ цвѣтокъ же, маленькій больной. Что-то необъяснимое тянуло всѣ сердца къ Славушкѣ, что-то будило самое глубокое и нѣжное сочувствіе къ нему. Какъ-то совсѣмъ по особенному, трогательно и ласково расплывались улыбки на лицахъ всѣхъ этихъ людей, обращавшихся съ вопросами къ Славушкѣ или отвѣчавшихъ ему. И

сама Ія почувствовала, какъ внезапно дорогъ сталъ ей съ первой же минуты встрѣчи этотъ мальчикъ, такой трогательно-прекрасный и покорный своему недугу.

Обѣдъ прошелъ оживленнѣе, чѣмъ когда-либо. Возбужденный свѣжимъ воздухомъ и прогулкой Славушка кушалъ нынче съ большею охотою, нежели всегда, и аппетитъ сына самымъ благопріятнымъ образомъ отразился на настроеніи духа самого профессора. Онъ шутилъ съ мальчикомъ, съ докторомъ и Іей, добродушно посмѣивался надъ Анной-Маріей, пересолившей въ честь пріѣзда новаго члена семьи молочное блюдо. Разсказывалъ о своемъ трудѣ, о будущемъ своей книги, на которую возлагалъ большія надежды, дѣлился своими планами съ присутствующими, или внимательно слушалъ Славушку, когда тотъ своимъ нѣжнымъ, слабымъ голоскомъ разсказывалъ отцу про сегодняшнюю прогулку.

Послѣ обѣда Степанъ покатилъ въ гостиную кресло барченка. Докторъ направился вслѣдъ за ними.

— Могу я предложить вамъ пройти со мною въ кабинетъ, Ія Аркадьевна,—попросилъ дѣвушку Соринъ.

Та молча послѣдовала за хозяиномъ дома.

Въ большой свѣтлой комнатѣ второго этажа съ огромными шкапами во всю стѣну, сплошь заставленными книгами, съ такимъ же огромнымъ письменнымъ столомъ, Ія остановилась пораженная. Прямо передъ нею надъ письменнымъ столомъ профессора, заваленнымъ бумагами, всевозможными книгами, брошюрами и заставленнымъ стеклянными колбочками и ящиками съ сухими растеніями, надъ этимъ алтаремъ ученаго, высилась на холстѣ, заключенномъ въ золоченую раму, женщина, прекрасная, какъ мечта. Каждая черточка ея молодого тонкаго личика дышала глубокой грустью. Задумчивые черные

глаза смотрѣли такимъ ласковымъ, такимъ нѣжнымъ, трогательнымъ взоромъ прямо въ лицо Іи, что молодая дѣвушка, словно загипнотизированная этимъ взглядомъ, не могла уже оторвать отъ портрета своихъ глазъ. Кромѣ удивительной ангельской красоты этой женщины, Ію поразило въ лицѣ ея сходство съ другимъ маленькимъ ангеломъ, который находился сейчасъ тамъ, въ гостиной, въ обществѣ доктора и вѣрнаго слуги.

Тѣ же прекрасные, трогательные глаза раненой серны, та же покорная улыбка обреченнаго, то же прелестное, томное личико, носящее на себѣ печать тихой покорности судьбѣ. Ія все смотрѣла и смотрѣла, не отрываясь отъ милаго видѣнія. Она рѣшительно забыла о своемъ собесѣдникѣ-профессорѣ и словно проснулась отъ глубокаго сна тогда только, когда подлѣ нея раздался голосъ Алексѣя Алексѣевича, перехваченный сейчасъ глубокимъ волненіемъ.

— Смотрите на мою Нину, барышня, — дрожащими нотками сорвалось съ губъ Сорина,—произвела она на васъ впечатлѣніе? Не удивительно... Не удивительно, Ія Аркадьевна... Это былъ ангелъ, ниспосланный мнѣ Богомъ и снова вернувшійся въ рай... Ахъ, барышня... Если бы вы могли знать ее! Эту дивную душу, эту неземную кротость и ангельскую доброту! Такимъ, видно, нельзя жить на землѣ... Онѣ нужны тамъ, выше, для лучшихъ цѣлей... Я нарочно привелъ васъ сюда, чтобы показать вамъ мою Нину, а васъ ей, и вмѣстѣ съ нею, съ моей дорогой покойной просить васъ дать послѣднія заботы, уходъ и радости нашему обреченному сыну... Я и Нина просимъ васъ помочь совершить нашему мальчику послѣдній этапъ его коротенькой жизни. Дать ему утѣшеніе, окружить его женскимъ, чуткимъ, заботливымъ уходомъ, на кото-

рый способна только такая дѣвушка, какъ вы, съ любящимъ, самоотверженнымъ сердцемъ, съ большой возвышенной душой. Дайте же моему мальчику радостное забвеніе, усыпите его тревоги, пусть онъ не думаетъ о концѣ, пусть, если суждено умереть ему очень рано, пусть этотъ переходъ въ вѣчность произойдетъ безъ особенной муки для него... Среди цвѣтовъ, улыбокъ и доброй заботы-ласки... Вы видите, я, старый засохшій надъ моими книгами и трудами, чудакъ, я заговорилъ, какъ поэтъ, и плачу, какъ ребенокъ! Да, я плачу въ эти минуты, Ія Аркадьевна, когда думаю о томъ, что гибель моего Славы неизбѣжна, что, несмотря ни на что, мнѣ не спасти его. Дорогая Ія Аркадьевна, знаете ли вы, что я положилъ въ конвертъ большую сумму денегъ на имя той, которая приметъ послѣдній вздохъ моего Славушки... Но я знаю васъ... Вы отвергнете это... Вы будете протестовать... Не отвергайте же моихъ слезъ и слезъ моей покойной Нины и дайте радостные и счастливые дни утѣшенія и заботы нашему обреченному ребенку.

По лицу Сорина текли слезы. Мольбою звучалъ его дрожащій голосъ. И весь онъ—этотъ большой сильный съ обезьяньей внѣшностью человѣкъ,—трепеталъ и вздрагивалъ отъ черезъ силу сдерживаемыхъ рыданій, какъ листъ, какъ былинка.

Рѣсницы Іи были мокры отъ слезъ. Она была потрясена и взволнована этимъ чужимъ горемъ. Невольно снова устремились ея глаза къ лицу женщины на портретѣ и она произнесла громко, какъ клятву, взволнованнымъ и дрожащимъ голоскомъ:

— Да... Даю слово... Обѣщаю и вамъ, отцу Славушки, и вамъ, его прекрасная мать, что приложу всѣ старанія, всѣ мои силы для борьбы съ недугомъ, захватив-

шимъ ребенка, а если, если это не удастся мнѣ, то... то... я помогу бѣдному милому Славушкѣ встрѣтить безтрепетно и спокойно страшную гостью.

И, закрывъ мокрое отъ слезъ лицо обѣими руками, потрясенная Ія быстрымъ шагомъ вышла изъ кабинета, не слыша выраженій благодарности и глухихъ рыданій профессора, несшихся слѣдомъ за нею.

ГЛАВА VII.

Чудесный іюньскій вечеръ. Солнце близится къ закату. Играютъ его разноцвѣтными огоньками стекла дома. Старыя сосны навѣваютъ прохладу зелеными тѣнистыми навѣсами мохнатыхъ вѣтвей.

Въ гостиной на мызѣ Сориныхъ всѣ окна раскрыты настежь. За роялемъ сидитъ докторъ Магнецовъ и тихо играетъ Лунную сонату. Какъ она прекрасна! Славушкѣ, лежащему на диванѣ, кажется, что подъ звуки этой сонаты, тамъ, за открытыми окнами, подъ зеленымъ навѣсомъ сосенъ и елей, кружатся и прыгаютъ маленькія существа. Это—лунные эльфы. И хотя солнце еще не зашло и сумерки только-только что начинаютъ спускаться, голубоватыя, нѣжныя сѣверныя сумерки суровой холодной страны,—эльфы уже здѣсь. Эльфы уже танцуютъ. Они уже водятъ хороводы подъ звуки Лунной сонаты и пляшутъ съ крошечными вѣнчиками на головахъ. Ія сидитъ подлѣ больного. Она только что кончила читать интересную, захватывающую повѣсть о маленькомъ лордѣ Фаунтлероѣ. Потомъ много и долго думала о немъ. Какъ жаль, что Славушка, такъ похожій на маленькаго героя Бернетъ, не можетъ въ силу своего недуга быть такимъ же энергичнымъ и сильнымъ мальчикомъ, какъ тотъ!

О чемъ онъ думаетъ сейчасъ этотъ милый Славушка?.. Какія грезы слетаютъ къ нему сквозь открытое окно?

— Славушка, о чемъ вы задумались? — осторожно освѣдомилась у мальчика Ія.

— Я думаю объ эльфахъ, Ія Аркадьевна, и мнѣ кажется, что я вижу ихъ тамъ въ саду, танцующими подъ зелеными вѣтвями сосенъ. А вы? Вы не видите ихъ?

— Какой вздоръ, Славушка. Ваша головка полна бредней, должно быть, потому что нынче Иванова ночь. Потому что сегодня ночь волшебныхъ сказочныхъ чудесъ и выдуманныхъ людьми фантастическихъ переживаній, о которыхъ мы говорили вчера и сегодня... Не правда ли? — гладя его локоны, допытывалась Ія.

— Ну да, конечно... Вы правы... Анна-Марія разсказывала мнѣ, что въ ночь подъ Ивана-Купала просыпаются въ лѣсахъ вѣдьмы, лѣшіе, лѣсовики, эльфы и русалки и приходятъ плясать на поляну. А вы знаете, Ія Аркадьевна, что сегодня финны жгутъ костры на нашемъ озерѣ?.. Они сходятся сюда поздно вечеромъ на берегъ и прикатываютъ сюда смоляныя бочки. Ихъ сжигаютъ у самой воды, а здѣшній богачъ-помѣщикъ, баронъ Аргольдъ, устраиваетъ мальчикамъ чудесное угощеніе. Тѣ весело угощаются, потомъ пляшутъ и прыгаютъ черезъ костры... И тутъ же выбираютъ короля и королеву праздника. Ахъ, какъ все это должно быть интересно, право! Въ прошломъ году мы пріѣхали сюда на мызу изъ-за границы уже много позже праздника, а въ этомъ папа не позволитъ мнѣ ни за что отправиться на берегъ, потому что, по всей вѣроятности, всю ночь меня будетъ колотить лихорадка... Ужъ такой я несчастный, право. А между тѣмъ, если бы вы знали только, какъ мнѣ хочется посмотрѣть вблизи на

этотъ финскій праздникъ, на эти костры и танцы, Ія Аркадьевна!

— Бѣдный Славушка, не горюйте, мы откроемъ окна, закутаемъ васъ хорошенько и подвеземъ ваше кресло поближе къ одному изъ нихъ, чтобы вы могли полюбоваться хотя бы издали всѣмъ этимъ торжествомъ,—утѣшала мальчика Ія.

Ея нѣжныя руки гладили тонкіе пальчики ребенка, а взглядъ, обычно серьезныхъ, немного суровыхъ глазъ, покоился теперь съ безконечнымъ сочувствіемъ на лицѣ маленькаго больного.

— Ахъ, все-таки мнѣ бы такъ хотѣлось взглянуть на все это!—шепталъ въ волненіи мальчикъ.

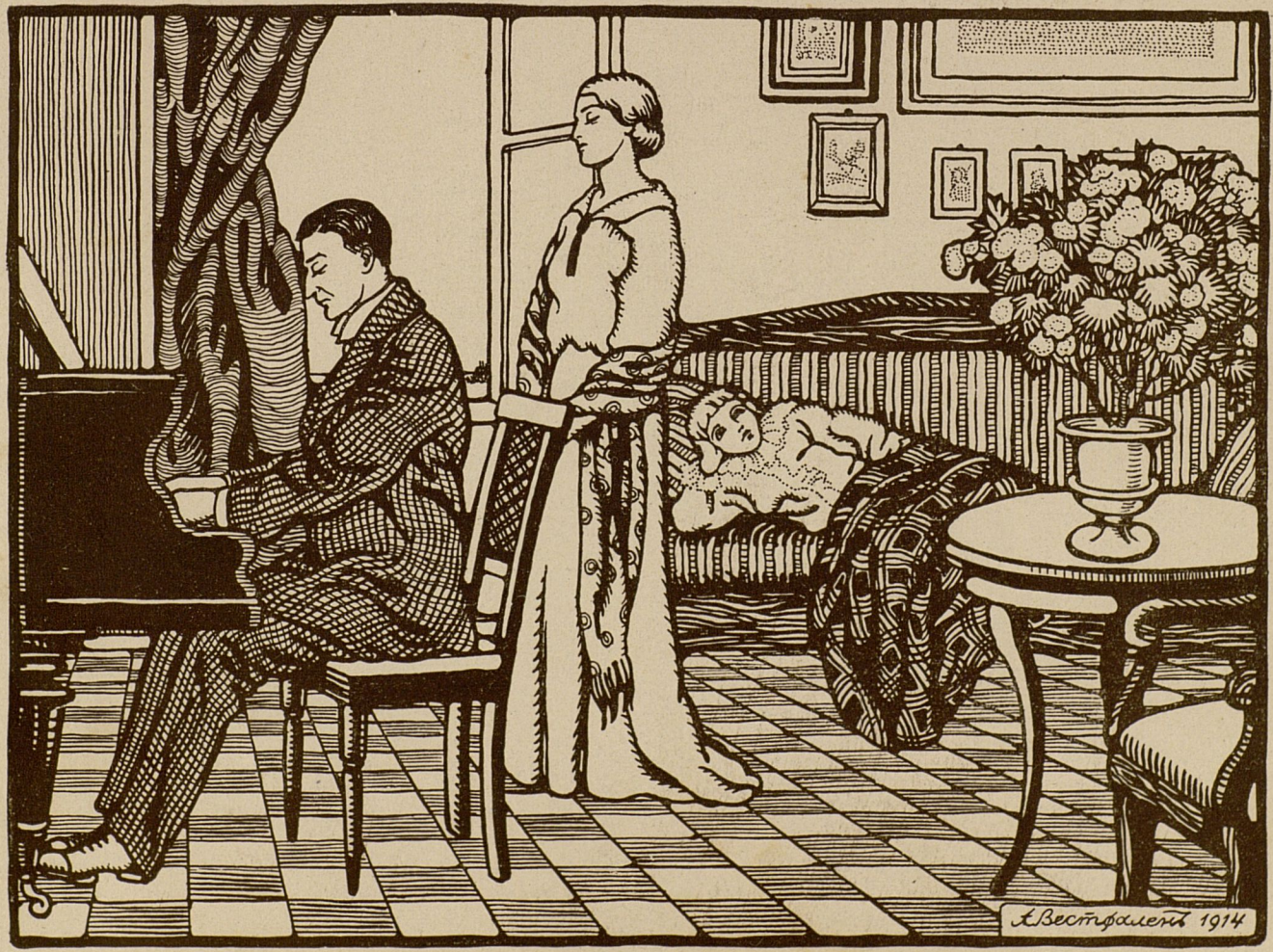
— Докторъ!—неожиданно позвала Ія все еще перебиравшаго клавишами Магнецова.—Докторъ, не можете ли удѣлить мнѣ минутку...

Рояль затихъ мгновенно и Викторъ Павловичъ подошелъ къ маленькой группѣ.

— Что угодно, Ія Аркадьевна?—освѣдомился онъ.

— Не находите ли вы возможнымъ доставить маленькую радость нашему больному,—быстро отводя его къ окну, тихимъ чуть слышнымъ шопотомъ бросила Ія, и тотчасъ же продолжала еще тише, такъ, что ни одно ея слово уже не долетало до ушей Славушки.

— Почему бы не доставить ему эту маленькую радость?.. Его жизнь такъ бѣдна и блѣдна событіями. И что значитъ одинъ лишній припадокъ лихорадки, когда воздаяніемъ за нее ребенокъ переживетъ такія свѣтлыя радостныя впечатлѣнія? Вѣдь онъ же со словъ медиковъ и васъ въ томъ числѣ—приговоренъ... А желанія тѣхъ, кто отъ насъ уходитъ въ лучшій міръ, должны быть закономъ. Такъ не найдете ли вы возможнымъ порадовать


А.Вестфален 1914

Славушку, докторъ? И отпустить его посмотрѣть праздникъ этой ночи!

Ія впервые, кажется, чувствовала себя сейчасъ на положеніи робкой маленькой дѣвочки, которая боится, что ей откажутъ въ ея просьбѣ. Ей такъ хотѣлось порадовать ея милаго воспитанника, къ которому привязалась она за эти полтора мѣсяца и котораго полюбила, какъ младшаго братишку.

Этотъ кроткій покорный маленькій ангелъ взялъ добрую половину ея души. Ея занятія съ нимъ научными предметами въ утренніе часы, ихъ совмѣстныя прогулки, вечернія чтенія и долгія игры и бесѣды сдѣлали то, что маленькій больной мальчикъ сталъ для Іи едва ли не такимъ же безконечно роднымъ, какъ младшая сестра Катя. И сегодня ей, во что бы то ни стало, захотѣлось порадовать этого мальчика, потѣшить его. Вотъ почему она съ волненіемъ дожидалась отвѣта доктора. Тотъ долго обдумывалъ ея просьбу. Затѣмъ, поднялся въ кабинетъ хозяина и довольно продолжительное время оставался тамъ.

Когда же Викторъ Павловичъ снова появился на порогѣ гостиной и навстрѣчу устремленнымъ къ нему съ нѣмымъ вопросомъ глазамъ Іи, улыбнулось его серьезное лицо, молодая дѣвушка обрадовалась, какъ ребенокъ.

— Одѣвайтесь, Славушка, мы отправимся на озеро. Вы увидите и костры и пляску... Папа разрѣшилъ, докторъ тоже и что за чудесный вечеръ вамъ предстоитъ нынче, Славушка!—весело говорила Ія, цѣлуя блѣдный лобикъ больного. . . . . .

. . . . . .

То былъ, дѣйствительно, чудесный вечеръ... Вѣрнѣе, чудесная ночь, похожая на какую-то волшебную сказку. Огненной лентою костровъ разукрасился берегъ. Потем-

нѣвшее озеро казалось теперь замкнутымъ въ огненное кольцо. Со всѣхъ ближайшихъ и дальнихъ мѣстъ съѣхались и сошлись сюда финны, на это большое озеро, такое празднично-прекрасное въ нынѣшнюю ночь. На разстояніи десяти шаговъ горѣли огромными факелами смоляныя бочки. Подлѣ нихъ мелькали фигуры нарядныхъ по-праздничному одѣтыхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, въ яркихъ платкахъ, съ вѣнками изъ полевыхъ цвѣтовъ на головахъ, съ букетиками такихъ же цвѣтовъ, заткнутыхъ въ петлицы куртокъ и за ленты шляпъ у мужчинъ. Даже старики и старухи пріѣхали сюда вмѣстѣ съ молодежью на своихъ гремучихъ таратайкахъ. Богачъ мызникъ баронъ Аргольдъ прислалъ на берегъ цѣлую телѣгу съ угощеніемъ для сосѣдей-крестьянъ. Онъ самъ ожидался сюда съ минуты на минуту. Шумъ, хохотъ, кое-гдѣ вспыхивающая и сразу потухающая пѣснь, нѣсколько заунывная пѣснь финскаго народа, трескъ горящаго дерева, шипѣніе смолы, ржаніе лошадей и снова смѣхъ и веселый говоръ, все это наполняло обычно суровый и тихій берегъ необычной жизнью и радостью. И замкнутое въ огненный свой вѣнецъ, какъ коронованная царица, озеро, казалось теперь сказочно, легендарно прекраснымъ.

Когда Степанъ прикатилъ на берегъ кресло маленькаго Сорина и Славушка очутился въ самомъ кольцѣ праздника, у мальчика дыханіе захватило отъ восторга въ груди.

— Папа! Ія Аркадьевна! Докторъ. Смотрите! Ахъ, какъ все это красиво!.. Какъ прекрасно! Боже мой!—лепеталъ онъ перехваченнымъ отъ радостнаго волненія голоскомъ, хватая за руки окружающихъ.—Смотрите!—Смотрите! Сколько народу!.. А вонъ тамъ дѣвушки въ бѣломъ! Какія онѣ нарядныя! И сколько цвѣтовъ! Сколько цвѣтовъ!

— Смотрите, Славушка, къ намъ подходитъ Ида. Какъ ее измѣнилъ нарядъ. Она ли это?—удивилась Ія, указывая впередъ.

Какъ разъ въ эту минуту заиграли скрипки, дрогнулъ барабанъ и затренькали балалайки и изъ-подъ шатра ближайшихъ зеленыхъ сосенъ выступилъ странствующій оркестръ, приглашенный барономъ Аргольдомъ на празднество въ эту ночь.

И вмигъ хлопотавшіе вокругъ костровъ парни и дѣвушки встали въ пары. Одновременно цѣлая группа молоденькихъ дѣвицъ и подростковъ съ букетами въ рукахъ приблизилась къ семьѣ Сориныхъ. Впереди всѣхъ выступала ихъ работница Ида въ бѣломъ съ розовыми лентами нарядномъ платьѣ. Ея румяное лицо горѣло и лоснилось при яркомъ свѣтѣ костровъ, а добродушныя губы складывались въ широченную улыбку. Она держала два вѣнка въ рукахъ. Подойдя къ креслу Славушки, Ида отвѣсила одинъ за другимъ нѣсколько книксеновъ и затѣмъ быстро, быстро залопотала что-то по-фински.

И сопровождавшія ее другія дѣвушки, тоже говорили что-то, и тоже отвѣшивали книксены, чрезвычайно потѣшая этимъ Славушку, кусавшаго себѣ губы въ тщетномъ усиліи удержаться отъ смѣха. А Ида все лепетала и присѣдала поминутно, отмахивая книксенъ за книксеномъ, безъ счета, безъ конца. Наконецъ, Степанъ, неотлучный спутникъ Славушкинаго кресла, пришелъ всѣмъ на выручку. Онъ зналъ немного по-фински и выступилъ не безъ доли смущенія въ качествѣ переводчика.

— Маленькій баринокъ,—началъ онъ переводить слова Иды и ея спутницъ,—всѣ эти дѣвушки, парни и дѣти слышали отъ нашей работницы, что вы, маленькій баринъ, нездоровы и не можете ни ходить, ни танцовать, а такъ

какъ они всѣ очень жалѣютъ васъ, то и хотятъ утѣшить и позабавить вашу милость. Ида говоритъ, что всѣ молодцы здѣшніе и всѣ дѣвушки выбираютъ васъ нынче королемъ праздника и передаютъ вамъ два вѣнка: одинъ для васъ, другой для царицы или для королевы, какъ у нихъ тамъ прозывается. Извольте же взять вѣнки, Святославъ Алексѣевичъ, одинъ они просятъ позволить надѣть на вашу головку, а другой ужъ вы сами найдете кому отдать.

— Какъ мнѣ? Меня выбрали королемъ праздника?— дрогнувшимъ отъ восторга голосомъ вскрикнулъ Славушка и его блѣдное личико все облилось румянцемъ удовольствія.—Папа, папа, ты слышишь, чего они хотятъ? Они меня выбрали королемъ. Докторъ! Ія Аркадьевна! Но что же я буду дѣлать? Я не могу ни танцовать, ни прыгать черезъ костры;—уже со вздохомъ печали и разочарованія произнесъ мальчикъ.

— Да они знаютъ, что не можете,—вмѣшался Степанъ,—они только просятъ васъ позволить имъ надѣть вѣнокъ на вашу головку, Святославъ Алексѣевичъ, и предлагаютъ полюбоваться ихъ праздникомъ.

— Ахъ, если такъ!—И сіяющій отъ удовольствія Славушка быстро сорвалъ съ головки шляпу и подставилъ свою прелестную кудрявую всю въ золотистыхъ локонахъ головку рукамъ Иды. Та почти съ благоговѣніемъ осторожно и ловко надѣла на нее вѣнокъ. А сопровождавшія Иду дѣвушки запѣли въ эту минуту какую-то красивую пѣсню, похожую скорѣе на гимнъ.

И хоръ музыкантовъ грянулъ торжественный тушъ, смѣшавшійся съ ихъ пѣніемъ. Тутъ только смущенный и счастливый Славушка замѣтилъ огромную толпу народа, окружавшую ихъ. Всѣ собравшіеся на праздникъ

финны и финки сконцентрировались теперь вокругъ профессора Сорина и его домашнихъ. Они громко кричали привѣтствіе въ честь маленькаго героя праздника.

Когда Славушка, тронутый и польщенный такимъ участіемъ къ нему, откланялся и отблагодарилъ за честь по указанію отца всѣхъ этихъ добрыхъ людей, мальчику подали другой вѣнокъ для королевы.

— Ты выберешь достойнѣйшую,—произнесъ старый сѣдой финнъ, дѣдушка работницы Иды.

Черные глазенки мальчика заискрились, какъ звѣзды. Теперь, когда онъ такъ былъ счастливъ самъ, ему непремѣнно захотѣлось осчастливить кого-нибудь еще, близкаго и родного сердцу. Онъ .взглянулъ на отца... Какъ жаль, что его драгоцѣнный папочка не можетъ быть королевой праздника. Вѣдь, онъ мужчина! Но за то здѣсь есть еще кто-то, кто не менѣе отца съ трогательной заботой печется о немъ, бѣдномъ Славушкѣ. Подлѣ его кресла-колясочки стоитъ тонкая, стройная дѣвушка. Ея рука лежитъ на его плечѣ. Ея милые глаза смотрятъ на него съ такимъ добрымъ, такимъ ласковымъ выраженіемъ! Какъ долженъ подойти къ ней этотъ вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ.

Какъ хороша будетъ въ немъ ея гордая головка! Въ ней столько величаваго достоинства, въ этой милой дорогой Іи Аркадьевнѣ. Она, дѣйствительно, точно настоящая королева. И никто кромѣ нея изъ здѣшнихъ дѣвушекъ не сможетъ быть праздничной королевой сегодня!

— Милый докторъ, приподнимите меня!—неожиданно прозвучалъ нѣжный Славушкинъ голосокъ. И когда Викторъ Павловичъ помогъ приподняться мальчику, онъ закинулъ кверху свои слабенькія рученки и, прежде чѣмъ успѣла опомниться Ія, окружилъ гладко-причесан-

ную головку дѣвушки вѣнкомъ изъ полевой ромашки, гвоздики, колокольчиковъ и васильковъ.

Не успѣла сдѣлать движенія Ія, какъ снова грянули тушъ музыканты и всѣ присутствующіе закричали обычное финское привѣтствіе въ честь молодой дѣвушки, нынѣшней королевы.

— Ну вотъ, я и исполнилъ ваше желаніе... Переведи Степанъ имъ, что я исполнилъ ихъ желаніе и королева праздника выбрана мною,—обратился Славушка къ своему импровизированному переводчику.

Тотъ не замедлилъ исполнить его приказаніе.

Старый финнъ, дѣдушка Иды, говорившій немного по-русски, нашелъ возможность связать нѣсколько словъ, адресованныхъ Славѣ.

— Богъ тобою... зиви, малюській, ангель, стоби радивать насъ...—произнесъ онъ, вынимая изо рта свою вѣчную трубку.

— А теперь надо королевѣ выбрать на танцы партнеровъ...—произнесъ, улыбаясь, Соринъ.—Видите, васъ уже приглашаютъ издали... Не рѣшаются только подойти поближе!—указывая на нерѣшительно топтавшихся въ сторонѣ парней, заключилъ онъ.

— Да, если королева праздника откажется протанцовать съ ними, ея временные подданные, чего добраго, и обидятся, пожалуй,—присоединилъ свое мнѣніе докторъ.

На минуту Ія смутилась. Ей показалось какъ-то странно танцовать съ этими грубоватыми неуклюжими, хотя и чрезвычайно симпатичными честными людьми, которые часъ тому назадъ, можетъ быть, окапывали гряды картофеля или возили навозъ для удобренія почвы. Но это было лишь мгновенное замѣшательство. Моментомъ позже

Ія уже шла навстрѣчу ближайшему парню въ новой куркѣ съ неизмѣнной трубкой во рту, съ шляпой, украшенной полевыми цвѣтами.

Онъ съ поклономъ принялъ ея руку, обнялъ ее за талію и подъ звуки пронзительно пиликающихъ скрипокъ и оглушительно рокочущаго барабана они понеслись... За ними чинно и безшумно въ «нѣмецкой» польке запрыгали и другія пары, финскія дѣвицы съ ихъ кавалерами. Пламя костровъ освѣщало кружащіяся фигуры, придавая имъ причудливо-фантастическій видъ. Финны и финки танцовали чинно и торжественно и передъ началомъ и послѣ окончанія каждаго танца отвѣшивали поклоны и книксены. И, тѣмъ ни менѣе, Іи было чрезвычайно весело прыгать и кружиться съ этими честными добродушными работниками, гораздо болѣе пріятно, нежели на томъ костюмированномъ балу, на святкахъ, у Нетти, когда кавалерами ея были пустые, безцвѣтные глупо-самодовольные молодые люди въ лицѣ князька Валерьяна, Димы Николаева и Пестольскаго. За первымъ танцоромъ къ Іи подошелъ второй... за второмъ третій... Всѣ желали танцовать съ королевой праздника. Даже старый дѣдушка Иды тряхнулъ стариной и отплясалъ съ «парисьней» нѣчто похожее на польку-мазурку, вызывая бурные аплодисменты своимъ лихимъ исполненіемъ. Каждую свободную отъ танцевъ минутку Ія подбѣгала къ Славѣ, подѣлиться съ нимъ впечатлѣніями, перекинуться словомъ, двумя...

Послѣ танцевъ водили хороводы; прыгали, взявшись за руки, черезъ костры, бѣгали въ горѣлки.

Наконецъ, и старики и молодые усѣлись на берегу и принялись за угощеніе. Ія не могла отказаться отъ стопки крѣпкаго шведскаго пунша, которую поднесъ ей

первый танцоръ окрестностей. Не могла не закусить вино вкуснымъ шведскимъ пряникомъ.

А костры все горѣли попрежнему и багровымъ казалось ночное небо отъ ихъ жаркихъ огней.

— Вы не устали, Славушка?—озабоченно спрашивала своего маленькаго воспитанника Ія, едва урвавшись, наконецъ, отъ своихъ новыхъ друзей финскихъ дѣвушекъ и ихъ кавалеровъ.

— Ахъ, нѣтъ же, совсѣмъ нѣтъ, увѣряю васъ, Ія Аркадьевна, я никогда не чувствовалъ себя такъ хорошо и бодро, какъ сегодня,—говорилъ мальчикъ, убирая за обѣ щеки пряники и апельсины, принесенные ему Идой и ея подругами.

— Ужъ пусть остается до конца праздникъ, разъ началъ дебоширить,—махнувъ рукой, произнесъ Алексѣй Алексѣевичъ, съ любовью и нѣжностью глядя на своего развеселившагося сынишку.—Вотъ и докторъ ничего не имѣетъ противъ. Ужъ кутить, такъ кутить...

— Парисьня, наси люти хоцютъ за твой сдорофья выпить,—услышала Ія чей-то коверкающій русскія слова голосъ.

Это снова пришла за нею Ида со своимъ дѣдомъ. Черезъ минуту, закутавъ Славушку теплою шалью, она снова присоединилась къ пирующимъ.

Теперь финны уже не были одни. Пока Ія бесѣдовала съ Соринымъ и докторомъ, неслышно къ мѣсту праздника подкатила коляска. Изъ нея вышли два господина. Одинъ высокій бритый съ энергичнымъ лицомъ, обвѣяннымъ сѣверными вѣтрами,—самъ баронъ Арнольдъ, другой высокій старикъ въ очкахъ съ тщательно расчесанными и совершенно бѣлыми, какъ снѣгъ, бакенбардами.

Увидя приближающуюся дѣвушку, они сняли шляпы и почтительно склонили передъ ней головы.

Ихъ привѣтствовали самымъ радушнымъ образомъ собравшіеся на берегу финны.

Ія хотѣла было занять свое прежнее мѣсто между старымъ дѣдомъ Иды и его внучкой на пнѣ срубленной сосны, но баронъ Аргольдъ предупредилъ ея намѣреніе. Онъ приблизился къ дѣвушкѣ съ шляпой въ рукѣ и, склонившись передъ нею, заговорилъ тѣмъ изысканнымъ нѣсколько вычурнымъ нѣмецкимъ языкомъ, какимъ, вѣроятно, когда-то рыцари бесѣдовали съ дамами.

— Привѣтствую прелестную королеву праздника. Я слышалъ уже, что здѣшніе мызники выбрали на сегодняшній праздникъ васъ. Разрѣшаю себѣ смѣлость представиться вамъ и представить своего школьнаго товарища, профессора Императорской клиники въ Берлинѣ—ученаго доктора—профессора Адольфа Франка, который проѣздомъ черезъ Швецію и Финляндію гоститъ у меня на мызѣ.

Сѣдой господинъ съ бѣлыми баками, какъ и баронъ, почтительно склонился передъ Іей въ утонченно-рыцарскомъ поклонѣ. Онъ только вчера пріѣхалъ сюда къ своему товарищу юности барону Іоганну Аргольду и былъ счастливъ, что попалъ на здѣшній праздникъ и могъ познакомиться здѣсь съ обычаями чужой страны. Самъ онъ, нѣмецъ по крови, всю свою жизнь провелъ въ Германіи, изрѣдка путешествуя по Европѣ. Баронъ Аргольдъ, шведъ по отцу и финнъ по матери, подружился съ Франкомъ во время своего пребыванія въ германской академіи. Профессоръ Франкъ въ свою очередь съ улыбкой, адресованной Іи, заявилъ, что онъ очень доволенъ

случаемъ встрѣтить здѣсь такую изящную, такую симпатичную царицу праздника...

Но Ія едва ли слышала сейчасъ, что онъ говоритъ... Въ ея головѣ носилась только что произнесенная барономъ фамилія гостя...

Франкъ... Профессоръ Франкъ... Да неужели же этотъ старикъ въ очкахъ съ бѣлыми баками и длинными волосами и есть тотъ знаменитый профессоръ, тотъ великій міровой ученый, о которомъ говоритъ вся Европа, чьи огромные важнѣйшіе труды и открытія въ области медицины разносятся по всему міру. Неужели же это онъ самъ?.. Онъ, дѣлающій настоящія чудеса въ области хирургіи?.. Знаменитый докторъ, объ имени котораго кричитъ весь міръ. И, уже не разсуждая больше о томъ, на сколько умѣстенъ ея вопросъ, она, впиваясь широко раскрытыми глазами въ старое, морщинистое лицо профессора, спросила его, едва справляясь съ овладѣвшимъ ею волненіемъ:

— Неужели же вы профессоръ Франкъ?.. Тотъ самый великій профессоръ, котораго знаетъ вся Европа, весь міръ?.. Ну, да, весь міръ, конечно...

Неуловимая улыбка пробѣжала по тонкимъ губамъ профессора и утонула тамъ, въ глубинѣ его скрывающихся подъ очками глазъ.

— Вы, по всей вѣроятности, слышали немного обо мнѣ, фрейлейнъ,—съ подавляющею скромностью отвѣтилъ старикъ,—если хотите, то мои труды имѣли успѣхъ и...

Ія не дала договорить профессору. Быстрая, какъ яркая зарница, мысль пронизала ея мозгъ и, едва разбираясь въ волнѣ чувствъ, нахлынувшей на нее, дѣвушка приблизилась къ Франку и быстро, быстро заговорила понѣмецки.

— Простите меня, ради Бога; простите мою назойливость, мою дерзость... Но у меня, лишь только я услышала ваше имя, загорѣлась въ мозгу одна идея... Неожиданная и быстрая, которую я выскажу сейчасъ вамъ. Не знаю, что со мною, но вся я сейчасъ подъ впечатлѣніемъ нашей встрѣчи, неожиданно закипаю надеждой... Вы простите, я, можетъ быть, очень плохо говорю по-нѣмецки... Но я такъ хочу подѣлиться съ вами, съ великимъ ученымъ и врачемъ, тѣмъ, что у меня сейчасъ въ мысляхъ. Вотъ видите, господинъ профессоръ, ту группу людей у четвертаго костра отъ вышки берега... Видите ее? Это здѣшній помѣщикъ Соринъ, тоже профессоръ ботаники, его сынъ и докторъ, пользующій этого сына. Дѣло въ томъ, что маленькій Соринъ давно приговоренъ лучшими докторами Европы къ скорой смерти. Онъ по отзывамъ всѣхъ ихъ долженъ умереть въ самомъ раннемъ возрастѣ. Его мать передала ему свой недугъ—чахотку, кажется; и ребенокъ, обреченный вслѣдствіе наслѣдственности на гибель, влачитъ самое безотрадное существованіе. А, между тѣмъ, онъ кумиръ отца, общій любимецъ и, какъ лучъ солнышка, освѣщаетъ жизнь его окружающихъ. Этотъ маленькій ангелъ, созданный для того, чтобы давать людямъ одну только радость и тепло. И онъ не долженъ умереть! Онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ умереть, господинъ профессоръ, такъ рано, такъ убійственно рано!

Голосъ Іи дрожалъ и срывался. Никогда еще въ жизни не переживала она такого захватывающаго волненія. Никогда еще ей не приходилось такъ плохо владѣть собою.

И ея неподдѣльное волненіе, весь жаръ ея переживаній, все это не могло не передаться старому ученому,

понимавшему лучше всѣхъ другихъ, какъ человѣческіе тѣлесные недуги, такъ и еще болѣе глубокія душевныя страданія. Онъ прекрасно видѣлъ, старый профессоръ, что эта красивая гордая дѣвушка, такая серьезная и цѣльная, по первому взгляду натура, сейчасъ сильно подхвачена вихремъ мыслей о возможности спасти ея любимца... И къ нему, къ старому Франку несется она навстрѣчу, какъ къ послѣдней помощи, какъ къ послѣднему якорю спасенія для своего маленькаго больного. Воистину трогательной показалась ему сейчасъ эта дѣвушка.

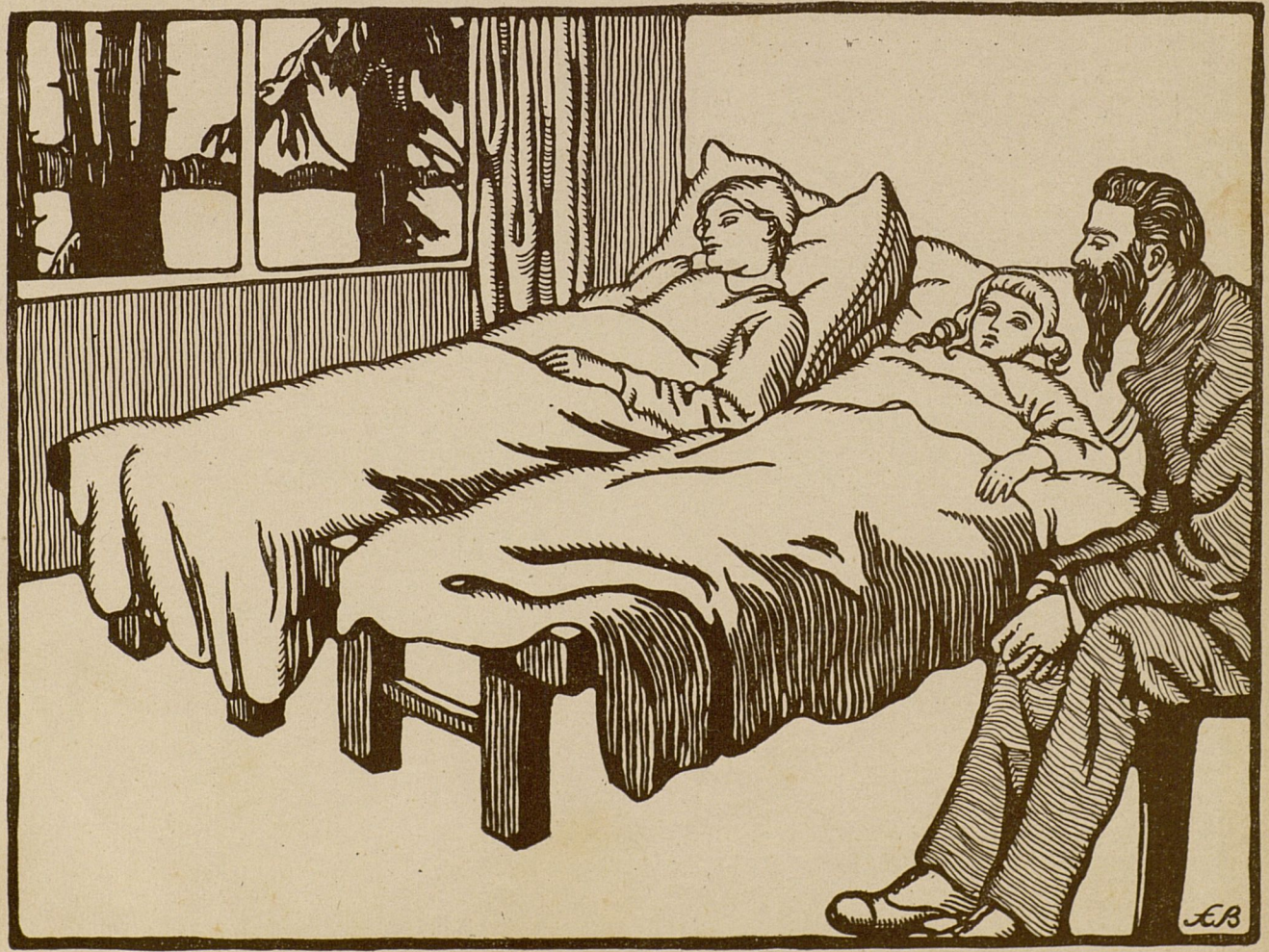
— Вы хотите, чтобы я взглянулъ на вашего воспитанника? Въ такомъ случаѣ пойдемъ къ нему,—все также по-нѣмецки спросилъ профессоръ и, не дожидаясь отвѣта Іи, вмѣстѣ съ нею и барономъ двинулся по направленію, освѣщенной костромъ, маленькой группы.

Быстро, точно въ сказкѣ, произошло все остальное.

Когда профессоръ Франкъ приблизился къ креслу-колясочкѣ больного Славы, мальчикъ находился въ радостномъ возбужденіи, подъ впечатлѣніемъ праздника; онъ весь ушелъ въ созерцаніе прыжковъ молодежи черезъ костры. Вѣнокъ, принесенный Идой, съѣхалъ ему на лобъ и еще болѣе оттѣнялъ сейчасъ темными, пестрыми цвѣтами матовую прозрачную блѣдность этого милаго личика. Только одни черные глазки ребенка ярко сверкали и говорили о жизни, слабо теплющейся въ этомъ хрупкомъ маленькомъ тѣлѣ, казавшемся такимъ слабымъ, блѣднымъ и жалкимъ.

— Какой изящный, прелестный ребенокъ!—не могъ не сказать профессоръ Франкъ, пока Ія знакомила его съ присутствующими.

Когда Алексѣй Алексѣевичъ услышалъ фамилію знаменитости, произнесенную Аргольдомъ, онъ какъ-то весь


AB

встрепенулся и оживился сразу. И въ головѣ Сорина промелькнула та же мысль, которая пришла на умъ Іи въ первую минуту ея знакомства съ Франкомъ; что, можетъ быть, не даромъ посылаетъ судьба, такъ случайно и неожиданно сюда къ нимъ знаменитаго ученаго, который, можетъ статься, пожелаетъ спасти его ненагляднаго Славушку... Не даромъ же самъ онъ, профессоръ Соринъ, такъ тянулся въ Берлинъ къ Франку и былъ въ отчаяніи, что всѣ послѣдніе годы знаменитый докторъ не лечилъ никого, занимаясь учеными изслѣдованіями. И вотъ теперь... такая неожиданность, такая случайная встрѣча.

Алексѣй Алексѣевичъ даже ушамъ своимъ не повѣрилъ, когда знаменитый профессоръ, поговоривъ съ нимъ о болѣзни Славы, самъ назначилъ день и часъ своего визита на мызу къ Соринымъ.

Что-то дрогнуло въ груди отца, и легкая, робкая, маленькая надежда на возможность выздоровленія сына загорѣлась у него въ груди.

Рѣшено было, что завтра въ два часа дня профессоръ Франкъ пріѣдетъ на мызу осматривать Славу.

ГЛАВА VIII.

Въ самый день Ивана-Купала рѣзко и неожиданно измѣнилась погода. Стоявшія весь май и іюнь жары, такъ дисгармонирующія съ суровымъ климатомъ Финляндіи, вдругъ неожиданно замѣнились хлынувшимъ сразу проливнымъ дождемъ. Онъ затопилъ потоками землю; затемнили небо мрачно обложившія его сѣрыя тучи, мгновенно

пропитались влагою глубокіе зыбучіе пески и зеленая хвоя молчаливыхъ сосенъ.

Вчерашняя ночь на озерѣ въ связи съ рѣзкой перемѣной погоды самымъ печальнымъ образомъ отразилась на здоровьѣ Славушки.

Блѣдный, безъ кровинки въ лицѣ, съ горящими лихорадочнымъ огнемъ глазами, лежалъ онъ на своемъ диванчикѣ, трясясь въ ознобѣ. Напрасно Ія и докторъ накрывали мальчика теплыми одѣялами и тканями, ничто не помогало. Бѣдный ребенокъ трепеталъ, какъ птичка. Казалось, внутренній ледяной холодъ пронизывалъ его тѣло. Ія не находила себѣ покоя, глядя на мальчика. Ее преслѣдовала мысль, что не кто иной, какъ она сама, виновна въ остромъ переломѣ его болѣзни къ худшему. Вѣдь это она устроила ночную прогулку къ озеру, да еще сама отправилась веселиться, заставивъ мальчика дожидаться себя на сыромъ воздухѣ. Молодая дѣвушка, положительно, не находила себѣ покоя отъ всѣхъ этихъ мыслей. Не находилъ ни минуты покоя и Алексѣй Алексѣевичъ, видя страданія сына. Одинъ только докторъ Магнецовъ былъ, казалось, доволенъ такимъ состояніемъ своего маленькаго паціента.

— Тѣмъ лучше... Тѣмъ лучше... По крайней мѣрѣ, мы имѣемъ, что показать моему знаменитому коллегѣ,— говорилъ онъ.—Ничто такъ не даетъ возможности поставить вѣрный діагнозъ, какъ острый параксизмъ болѣзни,— утѣшалъ онъ Алексѣя Алексѣевича и Ію.

Наконецъ, теплыя ватныя одѣяла и добрая порція малиноваго чая сдѣлали свое дѣло и вызвали испарину на лицо и тѣло больного.

Къ двумъ часамъ ждали профессора Франка. Славушка весь блѣдный и влажный лежалъ, совершенно обез-

силенный, не будучи въ состояніи двинуть ни рукой, ни ногою. Только большіе черные глаза его, эти всегда трогательно-прекрасные глаза, съ кроткимъ смиреніемъ смотрѣли на хлопотавшихъ у его ложа отца, доктора, Ію... Онъ еще грезилъ вчерашнею ночью, прекраснымъ темнымъ озеромъ, опоясаннымъ огненною лентою костровъ, пляской, музыкой и весельемъ здоровыхъ, сильныхъ людей, которое ему, бѣдному Славушкѣ, было уже давно недоступно.

Когда послышался звукъ бича и мягкое шуршаніе шинъ кабріолета, вся мыза засуетилась, какъ одинъ человѣкъ. Быстрой почти юношеской походкой, такъ мало соотвѣтствующей его почтенному возрасту, профессоръ Франкъ миновалъ дорожку, ведущую отъ воротъ къ крыльцу дома, и такъ же по-юношески—живо и бодро вошелъ въ гостиную, гдѣ лежалъ маленькій больной. Поздоровавшись съ присутствующими, профессоръ подошелъ къ мальчику, взялъ исхудалую ручонку Славушки и долго, слушая пульсъ, держалъ ее въ своей рукѣ.

Потомъ, онъ вѣжливо попросилъ удалиться изъ комнаты самого Сорина и Ію, сказавъ встревоженному хозяину, что онъ позоветъ его тотчасъ же по осмотрѣ ребенка и поставленіи діагноза.

Теперь, въ большой жарко натопленной, несмотря на лѣтнюю пору, комнатѣ у ложа больного мальчика остались только двое докторовъ.

Долго и обстоятельно выстукивалъ и выслушивалъ знаменитый профессоръ Славушку. Подробно осмотрѣлъ его, храня глубокое, мертвое молчаніе, и когда, наконецъ, усталый и тяжело дышавшій отъ утомленія мальчикъ сомкнулъ измученные глаза, старый ученый взялъ подъ руку молодого доктора и отвелъ его въ сосѣднюю ком-

нату. Здѣсь цѣлымъ рядомъ латинскихъ терминовъ и названій міровая знаменитость опредѣлила состояніе и болѣзнь ребенка.

— Дитя слабо, почти безнадежно, это ясно, какъ день,— бросалъ онъ по-нѣмецки общими фразами.—Но не отъ чахотки долженъ погибнуть мальчикъ, а отъ истощенія, врожденнаго наслѣдственнаго малокровія, которое излѣчимо развѣ однимъ только способомъ. Но на такой, новѣйшій въ наукѣ способъ, врядъ ли пойдутъ его близкіе. Я говорю объ операціи переливанія крови. Тутъ докторъ снова употребилъ латинскій медицинскій терминъ.—Я вижу въ этомъ его единственное спасеніе... Если не влить въ вены ребенка молодую, здоровую сильную кровь, онъ засохнетъ и погибнетъ какъ цвѣтокъ, не долѣе какъ черезъ нѣсколько дней, вслѣдствіе истощенія. Болѣзнь, очевидно, прогрессируетъ, какъ вы сами должны были убѣдиться въ этомъ, мой молодой коллега,—заключилъ профессоръ, обращаясь къ доктору Магнецову, глядя ему въ лицо сквозь круглыя дымчатыя очки.

Тотъ молча кивнулъ головою. Ему, пользовавшему Славушку, очевиднѣе, чѣмъ кому-либо другому, была эта прогрессирующая къ худшему болѣзнь. Сердце добраго доктора сжалось.

— Итакъ, ребенокъ долженъ неминуемо погибнуть...— началъ онъ глухо.

— Несомнѣнно, если не прибѣгнуть, повторяю, къ операціи, о которой я только что говорилъ и которая, несомнѣнно, принесетъ ему пользу. Этотъ способъ весьма часто былъ примѣняемъ мною въ больницахъ Берлина и имѣлъ почти всегда блестящіе результаты.

— Но кто согласится наполнить своею кровью зены ребенка... Что касается меня, то я бы сдѣлалъ это безъ ма-

лѣйшаго колебанія, если бы не зналъ, какъ врачъ, что здоровье мое далеко не удовлетворительно. Я худосоченъ, мой глубокоуважаемый коллега, и не гожусь для подобной цѣли,—уныло произнесъ Магнецовъ.

— Несомнѣнно. Ни вы, ни отецъ больного, я полагаю, не годитесь для этого. А вотъ и онъ самъ, кстати,—и старый профессоръ-врачъ пошелъ навстрѣчу профессору-ботанику, на ходу опредѣляя ему состояніе больного.

Ія, послѣдовавшая сюда за отцомъ своего любимца, жадно вслушивалась въ каждое слово, произносимое на нѣмецкомъ языкѣ старымъ ученымъ и подробно характеризующимъ состояніе здоровья Славы.

— Мальчикъ плохъ... Дѣло скверно... Дни жизни ребенка уже сочтены,—отрывисто бросалъ по-нѣмецки знаменитый докторъ.—Спасенье можетъ быть только въ одномъ—въ операціи переливанія крови, взятой у здороваго человѣка и перелитой въ вены больного, но я не вижу здѣсь кого-нибудь, кто бы могъ пожертвовать мальчику фунтомъ, а можетъ быть и двумя и тремя здоровой, молодой свѣжей крови...

Профессоръ обвелъ глазами присутствующихъ и остановилъ ихъ на смертельно поблѣднѣвшемъ лицѣ Сорина. Страдальческая гримаса пробѣжала по губамъ Алексѣя Алексѣевича. Судорожно сдвинулись эти губы... Также судорожно передернулось все его лицо.

— Стало быть, мой Слава погибъ...—произнесъ онъ глухимъ убитымъ голосомъ,—такъ какъ слишкомъ очевидно то, что моя старая кровь не можетъ сослужить ему пользы. Искать же теперь желающаго передать свою кровь ребенку было бы безумiемъ, такъ какъ, по вашимъ же словамъ, господинъ профессоръ, часы моего бѣднаго мальчика сочтены.

— Онъ умретъ тихо, заснетъ отъ слабости и незамѣтно перейдетъ въ вѣчность,—словно желая утѣшить несчастнаго отца послѣднимъ утѣшеніемъ, подтвердилъ старый ученый.

Другой ученый заскрипѣлъ отъ безсильнаго отчаянія зубами.

— Что дѣлать! что дѣлать!—произнесъ онъ, ломая хрустнувшіе въ суставахъ пальцы.

— Я знаю, что надо дѣлать,—неожиданно покрылъ всѣхъ молодой бодрый голосъ, и Ія, о присутствіи которой совершенно забыли въ эту минуту трое бесѣдовавшихъ здѣсь мужчинъ, неожиданно выступила впередъ.

— Я знаю, что надо дѣлать,—бодрымъ, почти веселымъ голосомъ повторила молодая дѣвушка,—и вы не помѣшаете мнѣ въ задуманномъ мною рѣшеніи. Господинъ профессоръ, вы должны взять мою кровь и отдать ее Славушкѣ... Вы говорите, что вамъ нужна здоровая, молодая кровь для этой цѣли... Возьмите же ее у меня... И, право же, вы дадите мнѣ пережить самую большую, самую свѣтлую радость въ моей жизни, если я смогу быть хотя отчасти полезной бѣдному ребенку...

— Отчасти полезной, или вы шутите, фрейлейнъ?—пожалъ плечами старый ученый.—Или вы не поняли, что ваша великодушная готовность спасетъ ребенка отъ смерти?

— Тѣмъ лучше. Я готова пойти на это!—твердо произнесла дѣвушка. Она хотѣла прибавить еще что-то, но неожиданно высокая, худая фигура Алексѣя Алексѣевича Сорина метнулась къ ней, его руки схватили ея пальцы и дрогнувшій, охрипшій мгновенно отъ волненія голосъ произнесъ, съ усиліемъ выговаривая слова:

— Дитя мое... дорогое дитя... да благословитъ васъ

Богъ за ваше великодушное рѣшеніе, за вашъ подвигъ, Ія Аркадьевна... За спасеніе Славушки... Спасибо вамъ... Спасибо вамъ!

Письмо Іи къ матери.

«Дорогая, ненаглядная моя старушка! Изъ письма Алексѣя Алексѣевича Сорина вы знаете все, всѣ подробности того, что должно произойти завтра. Родная моя мамочка, мнѣ какъ-то дико и странно писать вамъ о самой себѣ и своемъ поступкѣ, который люди превозносятъ почему-то до небесъ и который—для меня самой—вовсе не играетъ никакой роли. Голубушка-мама, вы лучше чѣмъ кто-либо другой поймете меня, вашу большую благоразумную дѣвочку. Помните, вы называли меня такъ постоянно съ самаго нѣжнаго возраста, съ самаго ранняго дѣтства? Дѣло въ томъ, дорогая, что въ моемъ рѣшеніи нѣтъ ничего героическаго. Я просто безгранично привязалась къ моему маленькому воспитаннику и мысль потерять этого кроткаго ангела, о которомъ я вамъ уже столько разъ писала, кажется мнѣ невозможной, чудовищной. И еще я ставлю васъ на мѣсто его несчастнаго отца, васъ, моя ненаглядная мама... Что было бы съ вами, если бы я или Катя очутились бы въ положеніи этого бѣднаго маленькаго Славушки? А вѣдь насъ двое у васъ, мама, тогда какъ у несчастнаго отца онъ этотъ больной ребенокъ—единственный сынъ, единственная отрада и утѣшеніе, и если онъ умретъ, этотъ мальчикъ, такой трогательный и нѣжный, съ такой чуткой и прекрасной душой и тѣломъ, когда мы окружающіе его взрослые люди можемъ спасти его, вѣдь я не найду себѣ покоя, поймите, мама! И вотъ, почему я предложила себя, свои силы, свою кровь для

спасенія ребенка! Я полюбила его, какъ моего маленькаго братишку, и мысль потерять его для меня невыносима. Не думайте, родная, что, предложивъ себя для спасенія Славушки, я не подумала о васъ... Я знаю, мамочка, что мнѣ не грозитъ никакой опасности. Самое большее, что ждетъ меня послѣ операціи, это временная слабость, легкое истощеніе... Но я буду жива и здорова, я останусь жить для васъ, для Кати, которыхъ безконечно люблю.

Цѣлую ваши милыя ручки, обнимаю Катю. Благословите своей любящей рукою вашу Ію и простите ее, что она, не предупредивъ васъ, вызвалась на этотъ серьезный шагъ, но времени осталось такъ мало и ребенокъ можетъ погибнуть каждый часъ. Ія».

Письмо Алексѣя Алексѣевича Сорина къ Юліи Николаевнѣ Барановой.

«Милостивая государыня Юлія Николаевна, приношу вамъ свое глубокое извиненіе въ томъ, что, не испросивъ предварительно вашего разрѣшенія, я рискнулъ принять огромную жертву, принесенную намъ вашей дочерью. Но Ія Аркадьевна предупредила меня о томъ, что вы единомышленны во всемъ съ нею. По крайней мѣрѣ, она сказала мнѣ вчера такъ: «Я дочь своей матери. И хочу проводить черезъ всю мою жизнь тотъ принципъ, который проводила она: «думать прежде всего о благѣ другихъ и потомъ уже о своемъ собственномъ». Такъ сказала мнѣ эта прекрасная, благородная дѣвушка и добавила тутъ же, что она чувствуетъ и знаетъ, что вы одобрили ея поступокъ, благословили ее на него. Изъ предъидущихъ писемъ вашей дочери вы уже знаете, милостивая государыня, о моемъ бѣдномъ, несчастномъ маленькомъ сынѣ и о его ужасномъ недугѣ. И вотъ теперь способъ избавить моего мальчика отъ гибели найденъ и будетъ примѣненъ, бла-

годаря благородству и великодушію вашей дочери. Ваша прекрасная, чуткая дочь предлагаетъ воспользоваться частью ея крови для того, чтобы влить ее въ вены моего умирающаго мальчика и этимъ спасти его отъ смерти. Такой способъ леченія весьма распространенъ теперь въ цивилизованныхъ странахъ свѣта и самъ профессоръ Франкъ ручается за успѣхъ операціи и за полную безопасность ея для здоровья вашей дочери. Теперь я долженъ написать вамъ о томъ, чего не должна знать до времени Ія Аркадьевна. Вы поймете меня, что нельзя оцѣнивать матеріальными средствами лучшій порывъ души. И было бы кощунствомъ отблагодарить такимъ образомъ великодушную дѣвушку за ея самопожертвованіе, за ея подвигъ. Но тѣмъ не менѣе нужно предусмотрѣть все. Послѣ операціи переливанія крови дочь ваша можетъ временно ослабѣть, утомиться, потерять энергію. Можетъ быть, ей надо будетъ провести нѣкоторое время на свободѣ, дома. И вотъ, поэтому-то, я прошу васъ, милостивая государыня, принять отъ меня десять тысячъ рублей, которыя я перевожу тотчасъ же вамъ. Горячо прошу понять меня и не отвергнуть этой ничтожной для меня суммы, предназначенной для вашей дочери. Ея нельзя отклонять. Въ завѣщаніи моего сына, которое осталось бы послѣ его смерти, эта сумма упоминается какъ ничтожный, маленькій подарокъ Іи Аркадьевнѣ по собственному желанію Славушки. И тогда бы, въ случаѣ Славиной смерти, Ія Аркадьевна не рѣшилась бы отказаться отъ подарка мертваго. Такъ пусть же она такъ же великодушно приметъ этотъ скромный даръ живого. По словамъ профессора Франка, мой мальчикъ послѣ операціи вернется мнѣ здоровымъ, бодрымъ и сильнымъ. И за это мы оба должны благословять вашу дочь.

Не гнѣвайтесь же на меня, сударыня, за то, что я не нашелъ въ себѣ силы оттолкнуть протянутую мнѣ руку помощи Іей Аркадьевной, и не уничтожайте меня отказомъ въ моей просьбѣ принять эти ничтожныя деньги, которыя могутъ сослужить хотя бы крошечную помощь вашей труженицѣ дочери.

Съ искреннимъ почтеніемъ Алексѣй Соринъ».

ГЛАВА IX.

— Такое прекрасное утро! Ія Аркадьевна, вы не чувствуете развѣ, что какъ-будто само солнышко и вся природа хотятъ поддержать и подбодрить насъ съ вами? Вчера было такъ пасмурно, такъ сыро, дождливо и неуютно, а сейчасъ... Смотрите, смотрите! какъ-то особенно зелены и пышны послѣ вчерашняго дождя эти сосны! какими чистенькими и промытыми кажутся пески!..—И Славушка устремилъ свои лихорадочно-горящіе глаза въ садъ черезъ открытое окно комнаты.

Ія въ бѣломъ полотняномъ халатѣ лежала на широкой скамейкѣ, покрытой бѣлой же ослѣпительно-чистой простыней, уже подготовленная къ операціи. Рядомъ съ нею на такой же скамейкѣ лежалъ одѣтый въ бѣленькій же халатикъ Славушка. Въ сосѣдней комнатѣ возились доктора. Слышался плескъ воды и характерный говоръ профессора Франка, изрѣдка бросавшаго нѣмецкими фразами. Алексѣй Алексѣевичъ Соринъ стоялъ подлѣ сына, держалъ его крошечную ручонку одной рукою, другой гладилъ его нѣжную голову.

Но глаза его смотрѣли на Ію... И сколько глубокой благодарности читала дѣвушка въ этихъ признательныхъ глазахъ!..

— Вамъ не страшно, вамъ не жутко, Ія Аркадьевна?—спрашивалъ Алексѣй Алексѣевичъ дѣвушку,—еще не поздно, подумайте, дорогое дитя.

— Я думаю о томъ, чтобы какъ можно скорѣе произошла эта операція, въ сущности такая ничтожная и пустая для меня, что о ней не слѣдуетъ и говорить. Не понимаю, что медлятъ доктора?—пожала плечами дѣвушка. шла эта операція, въ сущности такая ничтожная и пупрошу, и не сочтите это большою, большою дерзостью съ моей стороны,—прозвучалъ подлѣ нея милый голосъ мальчика.

— Да, Славушка, да, голубчикъ, заранѣе соглашаюсь на все,—произнесла Ія, поворачивая голову въ его сторону.

— Благодарю васъ...—подхватилъ мальчикъ,—и прошу васъ очень, очень называть меня своимъ маленькимъ братишкой и говорить мнѣ «ты»... Вѣдь вы же сами сказали, что черезъ нѣсколько минутокъ мы сдѣлаемся другъ другу «кровными», близкими. Точно братъ и сестра, такъ вотъ если можно...

— Да, да... Я буду говорить тебѣ ты, Славушка, и называть тебя моимъ братишкой. Тебѣ же разрѣшаю называть меня Ією и сестрой. А теперь протяни мнѣ твою ручонку, Славушка, и будь настоящимъ, смѣлымъ маленькимъ мужчиной. Вѣдь ты, надѣюсь, не боишься того, что намъ сейчасъ предстоитъ?

— Когда около меня папа и сестричка Ія, я ничего, ровно ничего и никого не боюсь въ цѣломъ мірѣ—твердо произнесъ мальчикъ и пожалъ протянутую ему Ією руку.

Соринъ наклонился къ сыну, нѣжно коснулся его влажнаго лобика... Потомъ перекрестилъ мальчика и почтительно поднесъ къ губамъ руку Іи.

— Доктора готовы. Будь мужественъ, мой Славушка. Господь съ тобою... Храни васъ Господь, Ія Аркадьевна,—шепнулъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

Вошли доктора въ бѣлыхъ халатахъ. Въ комнатѣ постепенно запахло удушливымъ запахомъ эѳира... Соринъ отошелъ отъ сына и Іи... На его мѣстѣ очутился со своимъ помощникомъ профессоръ Франкъ. . . . . .

. . . . . .

Никогда за всю свою дальнѣйшую жизнь не забудетъ, конечно, Ія того страннаго ощущенія, которое охватило ее, когда, сдѣлавъ глубокій надрѣзъ на ея рукѣ чуть пониже локтя и впустивъ въ обнаженную вену наконечникъ гутаперчевой трубки, профессоръ приказалъ ей считать до ста. Самъ онъ въ это время что-то быстро и суетливо дѣлалъ надъ рукой Славушки. Другую руку Іи у пульса держалъ докторъ Магнецовъ...

Ія видѣла сквозь прикрытое окно гостиной голубое небо, все обрызганное золотомъ солнечнаго сіянія... видѣла пышныя зеленыя сосны... видѣла убѣгающіе вдаль мохнатые холмы...

— Разъ... два... три...—считала она вначалѣ спокойно и раздѣльно, довольно громкимъ голосомъ.

Потянулись безконечныя минуты, казавшіяся вѣчностью... И вотъ, постепенно, съ удивительною точностью стала замѣчать Ія какой-то странный процессъ, происходящій въ ея организмѣ. Точно кто-то безпощадно и настойчиво тянулъ ей жилу изъ той руки, въ которой находился наконечникъ каучуковой трубки... И соотвѣтственно съ этимъ, какая-то чудовищная слабость охватывала все тѣло молодой дѣвушки... Мутилась мысль въ головѣ, все слабѣе и тише выстукивало сердце и зеленыя сосны въ окнѣ казались сейчасъ какими-то чудовищными,

страшными мохнатыми великанами... И золотое солнце почудилось усталому мозгу какимъ-то жутко-волшебнымъ, сказочно-страшнымъ чародѣемъ. Вихремъ пронзила послѣдняя сознательная мысль мозгъ Іи и, собравъ всѣ силы, она прошептала слабо, чуть слышно:

— Я умираю!.. Я, кажется, умираю! Что же, тѣмъ лучше... Славушка спасенъ... Алексѣй Алексѣевичъ, не оставьте моей матери. . . . . .

. . . . . .

И полумертвая отъ слабости Ія, потерявъ сознаніе, точно провалилась въ какую-то глубокую темную пропасть...

ГЛАВА X.

— Все у тебя готово, Катюша?

— Все, мамочка!.. Рѣшительно все...

— И холодныхъ цыплятъ поставила? И пирожки тоже?

— И цыплятъ, и пирожки, и коржики, и лепешки съ вареньемъ... Ахъ да, варенецъ еще надо сказать Ульянѣ принести съ ледника...

— Сама скажи, Катюша... Меня ноги не слушаются что-то... Вѣдь подумать только, Катенька!.. Ѣдетъ она, ѣдетъ радость наша, солнышко наше... Вѣдь годъ не видались, Катюша. Цѣлый годъ. Шутка ли сказать.

— А вы все-таки не плачьте, мамочка... Не волнуйтесь вы ради Бога... Лучше пойдемъ еще разъ и посмотримъ, какъ Ульяна комнату для гостей нашихъ приготовила, понравится ли имъ она... Если и не особенно съ комфортомъ, пусть не взыщутъ... Здѣсь не городъ, а глушь... Да и самъ профессоръ не избалованный та-

кой, простой, и важности въ немъ ни чуточки, Ія писала, помните.

— Да, да... Катюша... Мальчуганчика его мнѣ посмотрѣть ужасно хочется. Вѣришь ли, Катя, во снѣ его видѣла не разъ. Вѣдь Іюшкой нашей спасенъ этотъ мальчикъ—поневолѣ сталъ онъ мнѣ дорогъ, какъ родной.

— Ну, мамочка, вы не очень, а то я ревновать буду. Довольно Іи и меня у васъ. Вы лучше подумайте, какъ сообщить Іи о тѣхъ десяти тысячахъ, которыя презентованы намъ профессоромъ. Вѣдь она и не подозрѣваетъ даже о нихъ. Я знаю нашу гордую Ію. Воображаю, какъ она возмутится, начнетъ протестовать, сердиться, отказываться. Ужъ увидите...

— А если я скажу ей, Катюша, что грѣхъ отказываться отъ посильнаго дара тѣхъ людей, которымъ сама она принесла такую огромную, такую неоцѣнимую жертву... Что изъ-за ложнаго самолюбія нельзя обижать тѣхъ, кто ей преданъ всей душою... Что, наконецъ, какъ писалъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ профессоръ, она бы не отказалась отъ этихъ денегъ, если бы ихъ завѣщалъ ей послѣ своей смерти Славушка, такъ почему же не принять ихъ отъ спасеннаго, благодаря ей, малютки и его отца. А! Что ты на это скажешь, Катюша?

— Ужъ я не знаю, мамочка, поступайте, какъ знаете. Уговаривайте, какъ сумѣете, нашу милую гордячку, а я такъ просто-на-просто сказала бы ей:—вотъ что, Іюшка, намыкалась ты по чужимъ людямъ, пора тебѣ и отдохнуть. Я, то-есть это вы, мамочка, устаю одна хозяйничать, молодая моя помощница, (а это уже я, какъ видите, мамочка), должна снова въ свой пансіонъ ѣхать запасаться книжной премудростью... А одна я скучаю и хочу быть съ тобою, Іюшка. Вотъ и все, мамочка. Такъ и ска-

жите... Она же безумно любитъ васъ, наша благоразумная Іечка, растаетъ и останется непремѣнно.

— Останется, ты говоришь, Катюша? Да?

— Всенепремѣнно, мамочка. То-есть такъ же вѣрно, какъ зовутъ меня Екатериной Аркадьевной Баслановой. А сейчасъ простите, бѣгу взглянуть, положила ли Ульяна малину въ вазочку...

— Иди, иди, моя стрекоза! Милая! — Съ любовной улыбкой бросила дочери Юлія Николаевна.

И Катя, удивительно возмужавшая и еще болѣе поздоровѣвшая за это лѣто, выпорхнула за дверь на балконъ, гдѣ былъ приготовленъ исключительно парадный въ этотъ вечеръ чай и ужинъ. Тихія, короткія августовскія сумерки сгущались надъ Яблоньками. Солнце давно уже сѣло за деревьями стараго чародѣя лѣса. И въ уютномъ фруктовомъ саду Яблонекъ затихали постепенно послѣдніе дневные шорохи и шумы.

Юлія Николаевна подошла къ раскрытому окну своего крошечнаго деревенскаго домика, да такъ и замерла подлѣ него, не отрывая жадныхъ глазъ съ дороги, по которой должна была пріѣхать ея старшая дочь вмѣстѣ съ отцомъ и сыномъ Сориными, пожелавшими доставить сюда Ію, и кстати нанести еще визитъ.

Около двухъ мѣсяцевъ прошло съ того знаменательнаго дня, когда безчувственную отъ потери крови и слабости Ію приводилъ въ себя знаменитый профессоръ Франкъ. И въ продолженіе этихъ двухъ мѣсяцевъ изъ далекой суровой Финляндіи въ тихій уголокъ степного берега Волги то и дѣло летѣли депеши и письма о состояніи здоровья обоихъ больныхъ.

Неожиданная сильная слабость овладѣла послѣ операціи молодою дѣвушкою... Нечего и говорить, что про-

фессоръ Франкъ, совмѣстно съ докторомъ Магнецовымъ приложили всѣ свои старанія, примѣняли все, что было новаго въ медицинѣ, чтобы возстановить утерянныя силы ослабѣвшей Іи.

И достигли самыхъ лучшихъ результатовъ, а уходъ и заботы окружающихъ дополнили остальное.

Въ какія-нибудь двѣ-три недѣли щеки Іи покрылись легкимъ налетомъ румянца, глаза пріобрѣли прежній яркій блескъ. Профессоръ Франкъ уѣхалъ лишь только тогда, когда убѣдился окончательно въ безвредности операціи, произведенной имъ надъ Іей, поручивъ дальнѣйшій уходъ за дѣвушкой домашнему врачу Сориныхъ.

Что же касается самого виновника всѣхъ этихъ хлопотъ и волненій—Славушки, то произведенная надъ нимъ операція вливанія чужой крови въ его вены отразилась самымъ блестящимъ образомъ на здоровьѣ малютки.

Меньше чѣмъ черезъ недѣлю ребенка нельзя было узнать. Куда дѣвалась его слабость, анемія, его прозрачная худоба и блѣдность и періодичная лихорадка съ неизбѣжнымъ спутникомъ ея, жаромъ. Правда, порозовѣлъ и окрѣпъ Славушка не сразу... Но каждый день можно было наблюдать все улучшавшіеся симптомы возвращающагося къ нему здоровья, лихорадки и жаръ покинули его, а слабость исчезла. Появился желанный аппетитъ и не позже какъ черезъ мѣсяцъ малютка уже ходилъ по дому и саду, чего не дѣлалъ за послѣдній годъ, а еще черезъ нѣкоторое время надиво окрѣпшій и порозовѣвшій Славушка съ веселымъ смѣхомъ бѣгалъ на перегонки съ работницей Идой.

Теперь доктору Магнецову уже нечего было дѣлать въ семьѣ Сориныхъ. Признаки чахотки не грозили его

маленькому кліенту, и зловѣщій недугъ, такъ ошибочно принятый за нее, острое малокровіе, отъ котораго долженъ былъ неминуемо погибнуть малютка, казался теперь давно развѣявшимся темнымъ кошмаромъ. За уѣхавшимъ на новое мѣсто докторомъ Магнецовымъ стали собираться въ дальнюю дорогу и Сорины. Алексѣй Алексѣевичъ везъ теперь сына учиться за границу, гдѣ давно уже мечталъ дать образованіе Славушкѣ. Онъ трогательно упрашивалъ Ію отправиться туда же вмѣстѣ съ ними, чтобы занять мѣсто постоянной наставницы мальчика, но молодая дѣвушка отказалась наотрѣзъ. Она предпочла искать себѣ другое мѣсто, отлично сознавая, что ея роль воспитательницы при больномъ ребенкѣ уже пришла къ концу. Теперь Славушка былъ здоровъ и силенъ и нуждался больше въ обществѣ учителей и товарищей, нежели въ заботахъ наставницы и сидѣлки. Ія предпочла искать себѣ другую службу, о которой и рѣшила переговорить съ матерью. Все это знала Юлія Николаевна Басланова изъ писемъ дочери. Нынче же она увидитъ и самое, самое Ію и ея друзей, рѣшившихся передъ заграничной поѣздкой посѣтить ихъ медвѣжій уголокъ.

Сердце матери начинало биться сильнѣе отъ одной мысли о предстоящемъ свиданьи со старшей дочерью. Старушка взглянула на часы. Теперь ея волненіе достигло крайнихъ предѣловъ. По расчету времени они нѣсколько часовъ назадъ отъѣхали отъ пароходной пристани и должны были быть съ минуты на минуту здѣсь... Чу? Не топотъ ли лошадей послышался тамъ вдали.—Такъ и есть... Они, кажется... Катя! Катюша, никакъ ѣдутъ?—взволнованно крикнула по направленію двери Юлія Николаевна.

— Ѣдутъ, мамочка, ѣдутъ!—не своимъ голосомъ завизжала Катя и опрометью, какъ пуля, кинулась съ крылечка въ садъ. . . . . .

. . . . . .

— Іюшка!

Все помутилось, все заволоклось туманомъ въ глазахъ старушки Баслановой, когда неожиданно быстро выросла передъ ней тонкая высокая фигура ея старшей дочери. Ія, похудѣвшая, слегка осунувшаяся за этотъ годъ ея трудовой самостоятельной жизни, въ дорожномъ костюмѣ, съ сумкой черезъ плечо, бросилась въ объятія матери.

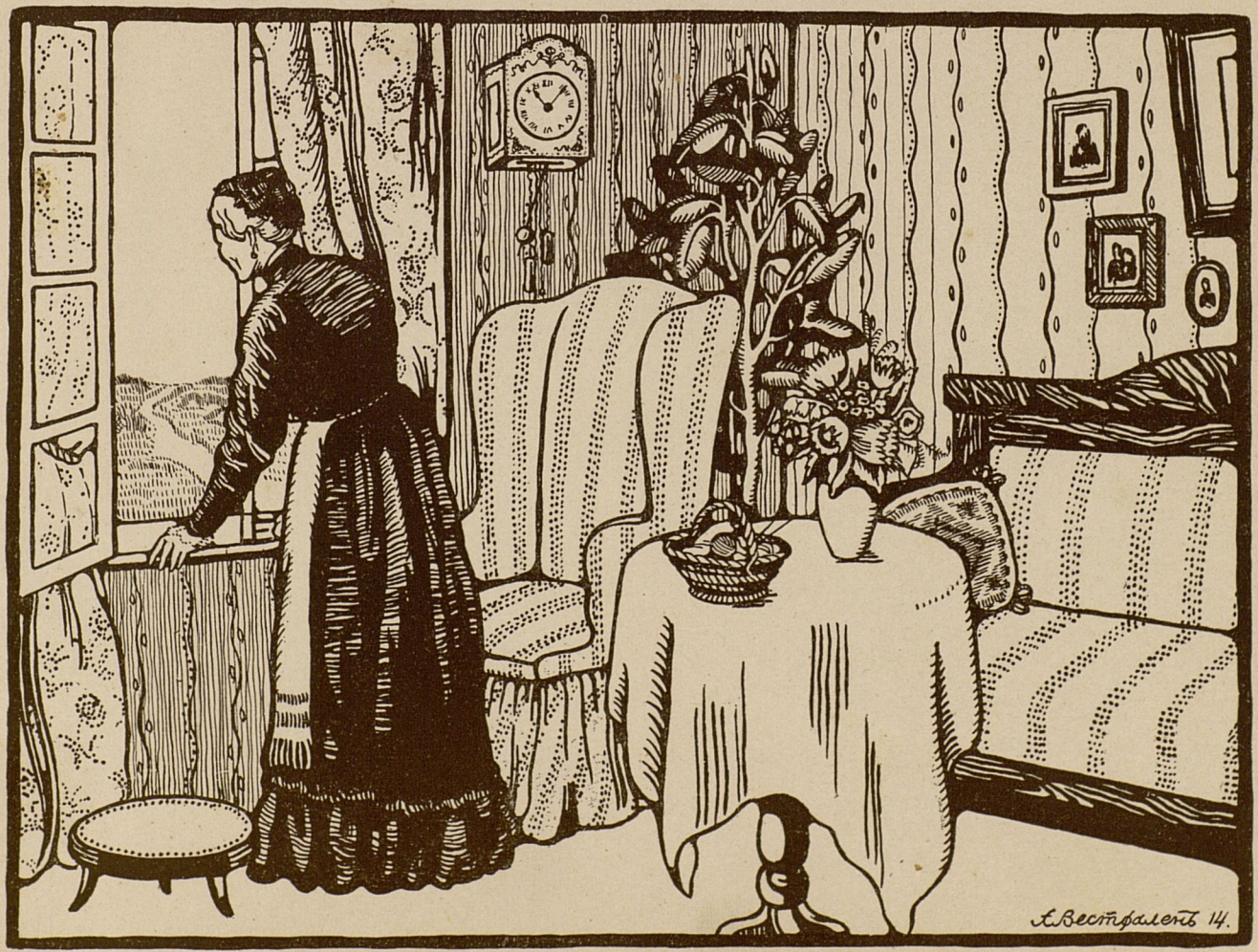
— Мэмочка! Мамуличка! Старушка ненаглядная моя!

И тѣсныя объятія сжимали теперь небольшую постарчески согнувшуюся фигуру Юліи Николаевны и градъ поцѣлуевъ сыпался на ея лицо. Ія вся преобразилась въ эти мгновенія. Трудно было бы узнать въ этой взволнованной, потрясенной радостью встрѣчи, плачущей дѣвушкѣ прежнюю уравновѣшенную, спокойно сдержанную молодую особу. Радость свиданья преобразила ее.

— Мамочка, мамуличка моя,—лепетала новая Ія, цѣлуя и обнимая мать и смѣшивая свои слезы со слезами старушки.—Наконецъ-то я васъ вижу, наконецъ-то, роднуля моя!

Пока длилась первая радость встрѣчи матери съ дочерью, Катя успѣла поздороваться съ Сориными, терпѣливо дожидавшимися на порогѣ своей очереди быть представленными старшей Баслановой.

— Здравствуйте, здравствуйте, добро пожаловать!—тономъ настоящей хозяйки привѣтствовала она гостей.—


Л. Вестфален 14.

А и прелесть же какая этотъ вашъ Славушка! Можно мнѣ поцѣловать тебя, маленькій человѣкъ?—Непроизвольно вырвалось у нея, при видѣ очаровательнаго крошечнаго мужчины съ его золотистыми локонами и черными звѣздами вмѣсто глазъ, неузнаваемо перемѣнившимися за послѣднее время.

Слава вскинулъ на дѣвочку свои лучезарные глазки.

— Разумѣется можно,—тономъ взрослаго человѣка произнесъ онъ,—разумѣется можно, такъ какъ я—маленькій братишка большой сестры Іи, а вѣдь, вы также ея сестра?—И приподнявшись на цыпочки онъ подставилъ Катѣ свою свѣжую, загорѣлую, розовую щечку.

А получасомъ позже хозяева и гости уютно устроились за чайнымъ столомъ, оживленно и задушевно бесѣдуя.

Алексѣй Алексѣевичъ Соринъ и его маленькій Славушка чувствовали себя такъ просто и хорошо среди этой крошечной, дружной семьи. Съ завтрашнимъ раннимъ поѣздомъ они должны были пуститься въ дальнѣйшій путь и сейчасъ оживленный и довольный, какъ никогда, профессоръ спѣшилъ передать Юліи Николаевнѣ всѣ подробности операціи, на которую такъ самоотверженно рѣшилась ея дочь.

Потомъ Катя, послѣ ужина, подхватила Славушку и помчалась съ нимъ показывать мальчику все несложное крошечное хозяйство ихъ родного гнѣздышка. Они обошли дворъ, садъ, заглянули въ Катинъ шалашикъ и понеслись было на опушку, осматривать княжескій домъ, пришедшій теперь въ полное запустѣніе, но Ія рѣшительно запротестовала, указывая на необходимость покоя Славушкѣ передъ дальнѣйшимъ долгимъ путемъ. И ве-

селыя оживленныя дѣти снова вернулись къ чайному столу. . . . . .

. . . . . .

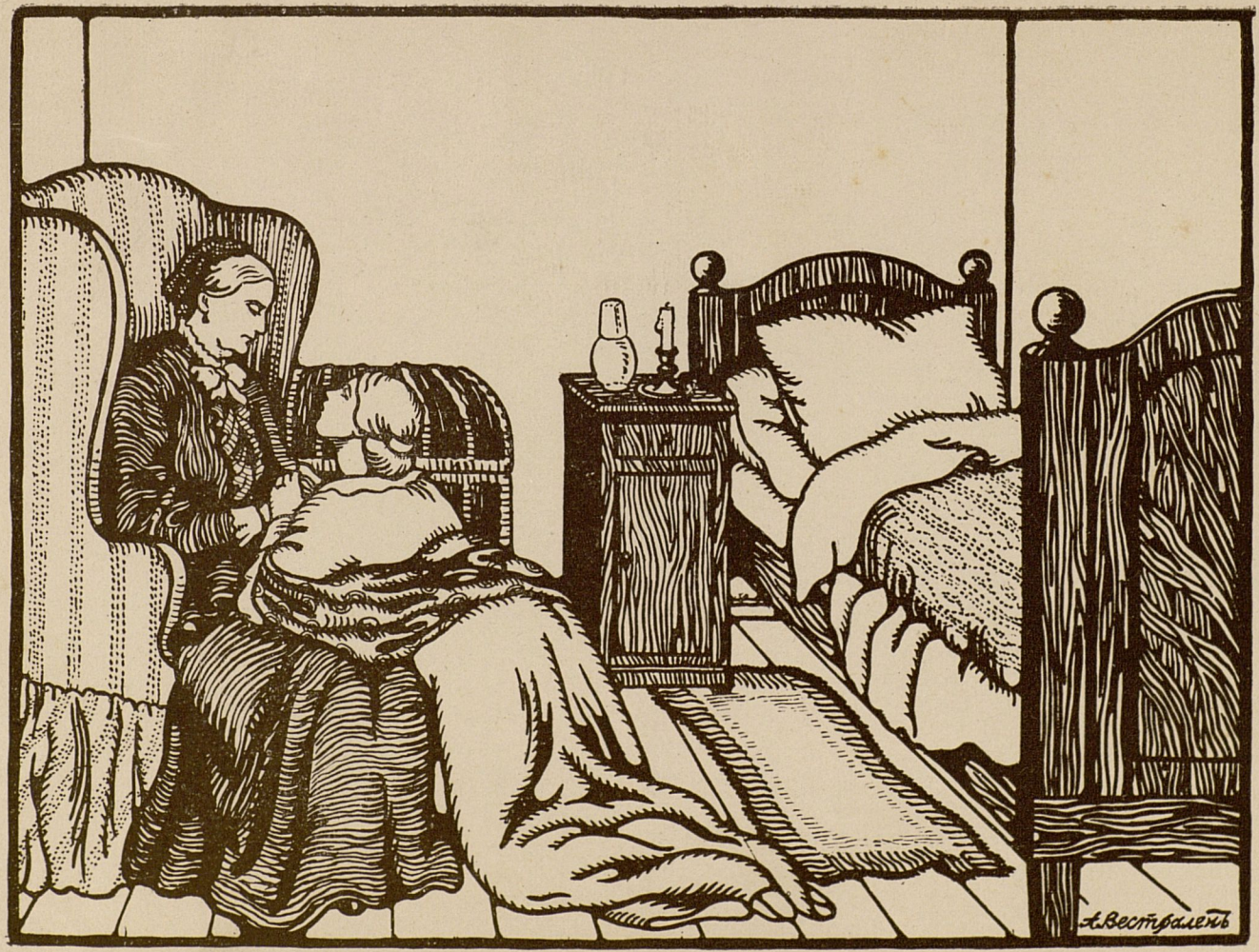
Ночь... Тихая чуть прохладная августовская ночь тихо водворилась надъ Яблоньками. Чернымъ флеромъ затянулись степи и лѣсъ... Жуткими призраками зачернѣли дальніе степные курганы... Мѣсяцъ выплылъ изъ-за причудливо разорванныхъ облаковъ и робко скользнулъ по небу... Еще причудливѣе стали небесные дворцы, храмы и памятники тамъ высоко-высоко, среди горныхъ холмовъ и долинъ, эффектно освѣщенные луннымъ сіяніемъ.

Въ самой лучшей комнатѣ маленькаго домика, уступленной гостямъ, уже давно спалъ профессоръ Соринъ съ сыномъ, уставши съ дороги до полусмерти. Спала и Катя, утомившаяся хлопотами по пріему дорогихъ гостей. Единственный огонекъ свѣтился теперь въ окнѣ спальни самой хозяйки.

Юлія Николаевна не спала. Она тихо бесѣдовала съ Іей. Дѣвушка подробно и обстоятельно передавала матери все случившееся съ нею за этотъ долгій, богатый событіями годъ ея жизни, проведенной вдали отъ родного гнѣзда.

Всѣ эти случаи и событія знала изъ писемъ дочери старая мать; но теперь, держа въ объятіяхъ Ію, Юлія Николаевна все-таки жадно вслушивалась въ подробности и детали, передаваемыя ей Іею. Когда дѣвушка закончила свою исповѣдь и прильнула къ плечу матери бѣлокурой головкой, тогда заговорила ея старая мать.

Нѣжно-нѣжно, чутко-чутко коснулась Юлія Николаевна вопроса о подаркѣ Сориныхъ Іи... Вся осторожность, вся деликатность материнскаго сердца вылилась въ немногихъ словахъ.


А.Вестфалень

Да, она, Юлія Николаевна Басланова, хочетъ, чтобы Ія приняла эти деньги. Она хочетъ, чтобы ея дочь, ея ненаглядная Іюшка побѣдила свою гордость и дала возможность хорошимъ честнымъ людямъ дать ей нѣкоторое удовольствіе, крошечную радость, которая, конечно же, не сможетъ покрыть и сотой части той жертвы, которую принесла имъ въ свою очередь Ія...

Деньги... Ни на какія деньги нельзя перевести человѣческую жизнь!.. И она, ея разумная славная Ія поймѣтъ это... Но и въ радости даянія нельзя отказывать людямъ... Это—гордость и ложный стыдъ. А потомъ... Она должна знать, Ія, что если приметъ она этотъ подарокъ, сдѣланный ей, имъ не придется уже разставаться... не придется больше покидать родного гнѣзда, ни лишать старую мать послѣдней радости видѣть подлѣ себя свою большую, благоразумную дѣвочку подъ конецъ ея старой жизни. Іи не надо будетъ уѣзжать снова отсюда, чтобы служить. Зарабатывать хлѣбъ...

И еще долго, долго говорила старушка Басланова и слезы текли у нея изъ глазъ, смачивая прильнувшую къ ея щекѣ нѣжную щечку дочери.

Такъ засталъ ихъ разсвѣтъ, обнявшихся и тихо плачущихъ въ объятіяхъ другъ друга...

Эти благодарныя слезы рѣшили дѣло. Что-то дрогнуло и растаяло въ гордомъ благородномъ сердечкѣ Іи... Огромная любовь къ матери, счастливая перспектива не разлучаться съ нею, возможность счастья поселиться снова подъ крылышкомъ ея обожаемой старушки, все это показалось такимъ безконечно-радостнымъ, такимъ желаннымъ Іи, что молодая дѣвушка уже не могла ланнымъ Іи, что молодая дѣвушка уже не могла протестовать.

Быстро соскользнула она съ низенькаго диванчика, на которомъ просидѣла ночь, къ ногамъ старой матери, обняла эти милыя ноги и съ лицомъ, освѣщеннымъ сейчасъ безконечно дѣтской любовью, прошептала чуть слышно, закрѣпляя поцѣлуями свои слова:

— Да... да... моя родная... да, я согласна, я принимаю этотъ подарокъ... потому что онъ дастъ мнѣ возможность остаться жить съ вами долго-долго... всегда...

КОНЕЦЪ.

„ЛЕНКНИГА"
Магазин №
р.
кв. №

КНИЖНАЯ ЛАВКА
ПИСАТЕЛЕЙ

Л
КЛ-2

ГПБ Русский фонд
37.65.5.40